

ИСПОЛНЕНИЕ ОБЕТОВ

Aurora Borealis, 2007, oil on canvas, 140 x 140 cm

Глава 1. Дон Санчо

885 год

1

Он не испытывал ни радости от того, что выжил, ни горя от того, что битва была безоговорочно проиграна. Такую уж он выбрал себе работу – воевать за чужие интересы. Впрочем, “выбрал” – это не совсем точно: особого выбора у него не было.

Его отец, князек средней руки, в очередной сваре между владыками более сильными, встал не на ту сторону, что привело его на эшафот вместе со старшими сыновьями; имущество было конфисковано, а жена и младший сын оставлены без всяких средств к существованию.

Поначалу мать пыталась найти укрытие и поддержку у своих родственников, но те боялись вызвать гнев победителя, приютив вдову с ребенком “врага народа”. У бедной женщины оставался единственный выход – уйти в монастырь. Но сын был уже почти взрослым, и в женском монастыре ему явно было не место (хотя, усмехнулся он своим мыслям, общество юных воспитанниц пришлось бы ему по душе). Он мог бы тоже

поискать прибежище у братии, но вот к чему он не чувствовал никакой склонности, так это к монашеству.

Так он и стал воином, наемником. Правда, с наймом во Франции у него ничего не вышло – судьба его родителей и братьев была слишком хорошо известна, и никто не хотел с ним связываться. Он пытался назваться чужим именем, но... слухом земля полнится. Пройдя через всю страну – от Бретани до испанской границы – он решился покинуть родину, тем более к этому времени и мать тихо отошла в мир иной, не пережив свалившегося на нее горя.

В Испании он сразу же решил не рисковать и не называть своего имени – береженного Бог бережет, вдруг и сюда донеслась молва, - а назваться Санчо (от «Александр», его настоящее имя), сыном владыки какого-нибудь выдуманного княжества, благо их было бесчисленное множество. Долго раздумывать над названием княжества он не стал и принял имя Воин, «Гварьеро», на слегка искаженный испанский манер – дон Гвевара. Это потом биографы его семьи будут безуспешно искать на карте его родину, а пока это имя позволило ему наняться на службу.

Он ехал не спеша, похлопывая время от времени по шее уставшую и взбудораженную лошадь, чтобы она привыкла к его запаху. Он нашел ее – благодарение Богу – запутавшейся стременами в кустах и был этим весьма доволен.

Дон Гвевара тщательно вглядывался в заросли, стараясь обнаружить трупы воинов, нашедших свою смерть в перелеске, и при этом не попадая на глаза своим «коллегам», оживленно и радостно перекрикивающимся на поле. То, чем Санчо занимался сейчас, он тоже рассматривал как часть работы. Да, битва проиграна, его наниматель убит, и не только он, но и сам король – и что это значит? А то, что придется искать нового хозяина, к которому хорошо бы явиться в не слишком потрепанном виде. Его же обмундирование сильно пострадало в бесчисленных схватках, благо от противника он не бежал, да и вообще вполне оправдывал свое имя-прозвище. Вот и приходится ему теперь обшаривать кусты и снимать все уцелевшее со своих менее удачливых соратников. Конечно, это право победителей, но им хватит и тех, кто остался на поле, а здесь, в перелеске, пытались укрыться только тяжело раненые.

Внезапно что-то блеснуло в лучах солнца. Дон Гвевара подъехал поближе – и поначалу презрительно поморщился: это было несколько женщин, тоже убитых в пылу боя. «Наверное, маркетанки», - подумал он

и хотел было уже двинуться дальше, но потом передумал. У них можно найти какие-нибудь симпатичные побрякушки, которыми удастся снискать симпатии у хорошеньких крестьянок, что будет весьма кстати, поскольку с деньгами в ближайшее время у юноши будет туго.

Он спешил и начал осматривать свою «находку». К его удивлению, «побрякушки» были весьма неплохие, ими можно заинтересовать не только девушек-крестьянок!

В центре группы лежала беременная мертвая женщина. Она была одета значительно богаче остальных. «Наконец-то повезло», - подумал Санчо и начал снимать с нее ожерелье и серьги. Потом дело дошло до колец, и тут юноша замер. На руке у женщины был перстень. Тот самый перстень. Тот самый, который король подарил своей жене, узнав, что она беременна. Тот самый перстень, который она с того дня не снимала!

Он был в смятении. С одной стороны, негоже королеве, пусть даже мертвой, лежать вот так, в грязи и крови. Хотя, если ее найдут победители, они выставят труп на всеобщее поругание и осмеяние. С другой стороны, за ее украшения можно выручить вполне приличную сумму. Но любой скупщик поинтересуется, откуда они у бедного рыцаря, особенно перстень, сделанный по заказу короля лучшими ювелирами.

От размышлений его отвлекло какое-то странное, едва заметное шевеление. Шевелился живот женщины! Дон Гвевара истово перекрестился: он решил, что это мертвая королева так реагирует на его не слишком благочестивые мысли. Но уже в следующее мгновение он понял, что шевелится ребенок во чреве матери. Он жив! Но вот-вот умрет, задохнувшись.

Юный рыцарь плохо представлял себе, что нужно делать, но потом вспомнил, как однажды, еще подростком, видел, как пастух его отца вытаскивал ягненка из чрева овцы, которую задрал волк. Конечно, королевич – не ягненок, но хуже ему все равно уже не будет!

Санчо достал из-за голенища нож, опустился на колени и начал осторожно вспарывать живот женщины, стараясь унять дрожь в руках – ведь одно неверное движение могло стоить младенцу жизни. Но недаром он славился своим умением владеть кинжалом, все обошлось благополучно. Теперь оставалось перерезать пуповину и шлепнуть малыша – это был мальчик, красный и толстенький, он извивался и брыкался изо всех силенок.

С пуповиной рыцарь справился без особых проблем, но вот шлепнуть... Младенец же закричит, а враги все ближе и ближе! Этот крик может

стоять им обоим жизни. Дон Гвевара прижал к себе ребенка, вскочил на лошадь и только тогда шлепнул малыша. Тот зашелся в крике, но лошадь уже галопом неслась сквозь кусты. Если те, на поле, и слышали что-то, то не обратили внимания, увлеченно споря из-за добычи...

2

Отъехав подальше и убедившись, что погони нет, дон Гвевара отпустил поводья, и лошадь перешла на шаг.

Теперь пора было подумать, что делать дальше. Поступок он совершил, конечно, благородный, достойный рыцаря, но очень уж безрассудный! Куда девать младенца? Единственный выход – подбросить в монастырь. Но ведь это не просто младенец, это королевич, законный наследник престола! Размеренный ход лошади способствовал ясности мысли. Да, надо оставить малыша в монастыре, но не подбросить, а отдать в руки настоятеля, рассказав всю невероятную историю. Поверит ли он? Ну, у дона Гвевара было аргумент – знаменитый перстень. Хорошо, что он успел сунуть его в карман прежде, чем заметил шевеление младенца. Жалко, конечно, с ним расставаться, хорошие деньги можно было бы за него выручить, но иных доказательств-то нет. Правда, монастырь нужно выбрать с умом: чтоб настоятель был верен погибшему королю, иначе он отдаст мальчонку узурпатору, и тогда все усилия спасти жизнь новорожденного будут потрачены зря. Вот только как узнать, на чьей стороне аббат?..

Малыш давно уже недовольно побряхтывал, а тут разразился возмущенным криком. Дон Гвевара отвернул край тряпицы, в которую завернул младенца перед тем, как сунуть его запазуху. Мальчонка тут же ухватил его за палец, потащил в рот и стал самозабвенно сосать. Есть хочет, понял юноша. Вот только где взять для него молока? «У коровы», - ответил он сам себе и усмехнулся. Где взять корову? – на пастбище...

Ему удалось решить сразу две проблемы – найти и корову, и монастырь. Подложив малыша под вымя, дон Гвевара стал раздумывать над тем, как узнать, на чьей стороне настоятель. Монастырь был мужской – это ясно из того, что стены были укреплены, а ворота крепко заперты – последнее было хорошим знаком: если бы аббат поддерживал узурпатора, ворота были бы распахнуты в ожидании победителей, которые понесут пожертвования в благодарность за небесное покровительство. Раз ворота заперты - монастырю есть чего опасаться. Но рисковать нельзя, надо понаблюдать.

Малыш наелся и теперь довольно посапывал. И тут рыцарь с ужасом вспомнил, что дети едят очень часто, почти все время! Что делать? Не может же он каждый час бегать к корове?! И потом, на ночь стадо уведут в коровник. Придется красть «кормилицу». Честно говоря, ему и раньше приходилось «присваивать» проходящую или пробегающую мимо живность – курицу там, или даже овцу, но чтоб корову... Но деваться некуда. Только вот по дороге в открытую не поедешь: рыцарь на лошади с младенцем на руках, ведущий за собой корову, - это способно собрать толпу любопытствующих...

Он устроил им укрытие из срубленного кустарника у ручья под стенами монастыря, чтобы можно было наблюдать за воротами. Хотел было отдохнуть – все-таки день выдался очень утомительный: битва, потом поиск лошади и обмундирования, потом еще эпоея с младенцем. Он уже растянулся на траве, но не тут-то было. Малыш опять закричал, и все пошло по кругу – покормить, помыть, перевести лошадь и корову на новое место, сварганить себе из «подножного корма» похлебку, поесть, опять покормить... «Как хорошо, что я – не женщина», - подумал он. И ведь это еще без стирки и уборки.

А вот вокруг монастыря весь день ничего не происходило – никто не выходил, никто не приходил. Как будто все вымерли. Но в сгустившихся сумерках дон Гвевара уловил какое-то движение. Смутные тени, по одной, а иногда по две, пробирались вдоль стен к воротам, стучали – почти что скреблись – и калитка бесшумно открывалась, поглощая их без следа. Казалось, что некоторые тени прихрамывали, другие еле волокли ноги. «Свои», понял Гвевара. Он привязал лошадь и корову, прижал к себе малыша и тоже покрался вдоль стены.

Когда калитка отворилась и он вошел, то сразу же попал в окружение группы монахов с напряженными лицами, однако при виде младенца они слегка расслабились. Гвевара попросил, чтобы его провели к настоятелю.

3

Дон Гвевара рассказал настоятелю все. Тот выслушал молча, на его лице не отразилось ни удивление, ни недоверие. Когда рыцарь закончил свое повествование, настоятель спросил:

- И ты хочешь, чтобы я тебе поверил?
- А какой мне резон врать? Я не девица, согрешившая на сеновале.
- Тоже верно. Но время сейчас смутное, мало ли какие резоны могут у тебя быть. Дай мне хоть какое-нибудь доказательство.

Дон Гвевара с сожалением вздохнул и полез в карман. Вытащив драгоценный перстень, протянул его аббату. Тот рассмотрел его внимательно, потом снова обратил свой взгляд на юношу.

- Да, это он. Ошибиться невозможно – два профиля, короля и королевы, и монограмма. И все же... А ты, однако, вор.
- Не об этом сейчас речь, я не на исповедь пришел!
- Так я не о перстне говорю – ты у судьбы младенца украл, у Бога, можно сказать.
- И не жалею об этом!
- И чего ты от меня хочешь?
- Возьмите малыша! Куда я с ним? Мне же теперь нового хозяина искать надо. Да и не дело это – королевича запазухой таскать.
- Легко сказать – «возьмите»... У нас тут если и приют, то совсем уж не для детей, сам, небось, догадался. А что касается «королевича», то какой из него теперь королевич. Дай ему имя какое-нибудь и отнеси к сестрам, я тебе даже письмо к настоятельнице дам. Пусть растят как обыкновенного мальчишку.

- Э, нет, он – законный и единственный наследник престола! Я его отцу в верности присягал! Ничего себе – «обыкновенный мальчишка»!

От громких голосов малыш проснулся и захныкал.

- Есть, наверное, опять хочет. Пойдем мы с ним, коли так. Я там в роще корову привязал, покормлю мальчика.
- погоди уж. Молока мы найдем, а ты иди-ка с ним пока в келью. Я попробую разузнать, что и как, и подумаю...

Через три дня настоятель послал за рыцарем. Дон Гвевара вошел и тихо закрыл за собой дверь, стараясь не разбудить малыша, посапывающего у него на руках.

- Похоже, ты не врал. Говорят, нашли королеву с разрезанным животом, а ее сын пропал. Ищут вот теперь. Коли найдут – быть беде.

Настоятель замолчал. Молчал и юноша. Потом аббат продолжил:

- Есть, конечно, те, кто за этого младенца жизнь бы отдал, да только мало их уцелело, кто раненый, кто искалеченный... Вот что, оставайся с ним здесь, а там посмотрим.
- Мне – остаться с ним?! Я нового хозяина искать должен, у меня за душой – одна лошадь, да и та не моя!
- Ну, об этом не беспокойся, прокормим вас как Бог даст.
- Батюшка, какая из меня нянька?! И к монашеству у меня ну никакого призвания нету.
- Нянька из тебя такая же, как из любого из нас, мы в мужском монастыре, как ты, наверное, заметил. А что касается монашеской жизни – тут я тебя неволить не стану. Возьму тебя работником, будешь выходить из монастыря свободно, а в молебнах участвовать, когда душа попросит. Только вот кем тебя взять?.. Библиотекарем, разве что, ты же, наверное, грамотный?
- Грамотный. В прошлой жизни у меня и воспитатели были, и учителя.
- Вот видишь, как славно! Кому, как не тебе королевича воспитывать? У нас же братия вся из простых, какой там читать – братья и считают-то на пальцах, и то до пяти, потом сбиваются. Они все больше за ранеными ухаживать да монастырь в случае нужды защищать. А у нас архив богатый, от прежних мирных времен достался, надо бы его в порядок привести.

- Вот оно как оборачивается... Я хороший воин, но, по правде говоря, негоже человеку одиноким волком жить и за чужие интересы жизнью рисковать. У нас ведь как – служим одному господину, подружился вроде, а потом глядь – нанялись к враждующим сторонам должны теперь не на жизнь, а на смерть в бою рубиться ради того, чтоб один князек у другого деревню отнял. Вот и стараемся друзей не заводить... Только я вот жениться мечтал, детишек завести, дом...
- Успеешь еще. Подрастет мальчишка – и гуляй себе.

На том и порешили.

895 год

Прошло долгих десять лет. Королевич вырос в смышленного ясноглазого мальчишку, да и дон Гевара повзрослел. Он уже обвыкся, увлеченно разбирал архив, учил «приемыша» грамоте и счету, изредка уходил в деревенскую пивнушку, заглядывался и на местных красоток, но ни о каких серьезных увлечениях и не помышлял – за монастырскими стенами его ждал малыш, к которому он привязался неимоверно, вложив в свою любовь к нему всю тоску по дому и по семье, всю горечь утрат, всю нежность, накопившуюся в его юной душе за годы одинокой жизни.

И вот однажды настоятель позвал дона Гевара к себе и плотно закрыл за ним дверь.

- Время пришло. Пора нашему королевичу готовиться царствовать. Подросли сыновья сторонников его отца, павших в битве. Они готовы сражаться против узурпатора, и мальчик станет их знаменем. Теперь есть кому возвести его на престол. Завтра приедут некоторые из них, расскажешь им свою историю, познакомишь с наследником престола. Ты ему, кстати, рассказал, кто он?
- Да. Я считал, что это правильно.
- Ну и хорошо. Предупреди его.

На следующий день, в воскресенье, на мессу собралось непривычно много молодых людей. Они прибывали парами или поодиночке, почти все верхом, некоторые пешком. Войдя в монастырский дворик, они проскальзывали мимо церкви в библиотеку, где их ждали дон Гевара и королевич. Дон Гевара нервничал – ведь решалась судьба

его воспитанника. Наследник престола был непривычно серьезен и сдержан.

Прибывшие исподтишка разглядывали их, о чем-то шепотом переговариваясь и ожидая кого-то. Наконец дверь распахнулась и вошел настоятель с несколькими мужчинами, явно намного старше присутствовавших в библиотеке. Один из них, со страшным шрамом на лице, внимательно взгляделся в мальчика и выдохнул:

- Да. Он. Копия своего отца. Только глаза материнские. – Потом подошел к королевичу и склонился в поклоне. Мальчик слегка отшатнулся, но потом положил руку на его плечо.

Но остальные не последовали за ним, хотя и недоверие постепенно исчезало с их лиц.

- Давайте сначала выслушаем его историю, - предложил настоятель. Дон Гвевара рассказал, как он нашел мертвую королеву и как вытащил из ее чрева младенца, избегая, впрочем, некоторых подробностей. Но ветераны понимающе кивали головами. Потом настоятель достал из кармана коробочку с перстнем и передал ее самому старшему из присутствующих, сгорбленному и седому. Тот посмотрел, передал, в свою очередь, другому, а сам, сильно прихрамывая, подошел к королевичу и поклонился. Тот и ему положил руку на плечо.

Один за другим подходили и склонялись перед мальчиком мужчины – молодые и ветераны, увенчанные шрамами. Наконец все вновь расселись по местам.

- Значит так, - сказал старший ветеран, - мы начнем собирать людей, а мальчик пока останется у вас. Надо его подготовить к царствованию. Грамоте, как я понимаю, его уже обучили, петь в монастыре наверняка научился, но нужны еще история, география, литература, танцы, а самое главное – придворный этикет.
- Книги по истории и географии и у нас в библиотеке найдутся, танцами мы уже начали заниматься, а вот в придворном этикете я не силен, - сказал дон Гвевара.
- С литературой могу помочь я, - вмешался настоятель, - у меня есть своя небольшая подборка рукописей.

Старик усмехнулся.

- Не скромничайте, батюшка, Вы известный знаток в этой области. Этикетом займусь я сам. Примете меня в братию, отче? Стар я стал

и одинок, жена умерла, старшие дети погибли, младшие разбежались – самое время о душе подумать.

- Почту за честь.

Все начали молча и тихо выходить из библиотеки.

897 год

Прошло еще два года. Королевич усердно учился. Он как будто резко повзрослел под грузом грядущей ответственности. Дон Гвевара только диву давался, подмечая в своем «найденныше» цепкий ум, неожиданную для его возраста широту, можно сказать, государственность мышления и силу воли. Даже осанка его стала другой.

Однажды они занимались географией, склонившись над картой. И вдруг королевич поднял на дон Гвевара взгляд.

- А где твои владения? Я не нашел никакого места с таким названием – «Гвевара».

- Если честно, у меня их нет, - ответил рыцарь и рассказал мальчику свою историю, признавшись заодно в том, что фамилию он себе выдумал.

Королевич задумался.

- Ты ведь вор, да? Так отец настоятель говорит. Ты меня украл у судьбы.

- Ну, можно и так сказать.

- А «вор» - это по-испански «ладро». Но ты ведь не просто вор, а прямо-таки ворище – самого королевича утащил, значит, не «ладро», а «ладроне», - мальчик хитро улыбался.

- И что из этого? Что ты придумал, твое королевское величество? – дон Гвевара тоже улыбался.

- А вот смотри, что я нашел: местность с названием «Латрон»! когда я взойду на престол, я тебе ее пожалую, и ты будешь князь де Латрон! И это будет твоя самая что ни на есть настоящая фамилия!

- Да я уже привык как-то быть Гвевара. И, надеюсь, не разучился быть воином. Скоро я тебе это докажу!

- Тогда будь Гвевара Ладрон. Только обещай быть только моим воином!

- Клянусь, твое величество.

Так все и произошло.

Глава 2. Дон Педро

1099 год

1

Ну, вот, опять он не откликнулся на имя “князь Ладрон”! Никак не может к нему привыкнуть. Но отец не разрешил использовать их родовое имя – Гевара. Родоначальник их семьи дал лет сто тому назад клятву королевичу, что никогда не будет воином кого-нибудь кроме короля, а поскольку «Гевара» - производное от «гуерьеро», что значит «воин», то и никакой Гевара не должен воевать для кого-нибудь кроме испанского монарха. А он сейчас воюет совсем не за короля, более того, король Испании вообще не участвует в этом походе – раз так, он теперь временно князь Педро Ладрон, благо это их второе родовое имя.

Вообще-то он и впрямь не должен бы участвовать в этом походе. У Испании своих врагов достаточно, а сил противостоять маврам явно не хватает. Но у отца была особая причина послать его освобождать Иерусалим...

Педро сидел на траве, привалившись спиной к дереву, и мрачно наблюдал за тем, как спешат к морю прозрачные воды небольшой речки. Его не радовал ни теплый солнечный день, ни сытный и вкусный обед в придорожной таверне, ни неожиданно выпавшая возможность спокойно отдохнуть. Вот уже почти год, как его вообще ничего не радовало.

Да, прошло целых триста сорок восемь дней, но юноша не мог забыть, как из ворот города Калаат-Рава мавры выбросили изуродованный труп его любимой Мириам. Он встретил ее впервые когда проезжал дозором около речки под стенами Каалат-Равы. Девушка пришла за водой, и князь Ладрон залюбовался ее тоненькой гибкой фигуркой. Мириам заметила его восхищенный взгляд, но не испугалась, не бросилась бежать, а только слегка улыбнулась и тут же потупилась.

С тех пор юноша все время старался попасть в дозор у ручья. И ему казалось, что и девушка стремилась почаще ходить за водой. Постепенно они познакомились: сначала просто кивали друг другу при встрече, потом здоровались, потом начали обмениваться несколькими фразами – ничего не значащими для постороннего уха, но полными сладостного томления для влюбленных. Но кто-то прознал о «преступной» симпатии Мириам к неверному – и ее забили камнями. И вот ее обезображенное тело лежит на солнцепеке, и большие черные мухи слетаются на кровавый пир...

Отец и братья пытались удержать юношу, но он вскочил на коня, подскакал к девушке, поднял ее на руки и помчался обратно. Вслед ему свистели стрелы, но он не замечал ничего, кроме оглушающей боли в душе.

Педро понес тело в кладбищенскую церковь, но священник отказался хоронить ее в освященной земле – ведь Мириам не была христианкой. Юноша молча повернулся и вышел из храма. На руках он принес девушку на берег реки и устроил ей погребение невдалеке от места их первой встречи.

Его характер сильно изменился. Если и раньше он не был трусом, то теперь стал просто безрассуден. Казалось, он искал смерти. Да так оно, собственно, и было.

Обеспокоенный отец попросил священника поговорить с сыном.

- Да, я не боюсь смерти, даже желаю ее, - сказал ему князь Ладрон. – Почему? Да потому что только так я встречу с моей Мириам.
- Увы, - покачал головой падре, - эта встреча не состоится. Ты же знаешь, что в царствие небесное попадают только христиане, а Мириам была мусульманкой.
- Но это же несправедливо! Ведь не ее вина, что она родилась в мусульманской семье! Она и знать не знала о существовании Христа, как она могла принять крещение?

Священник сочувственно покачал головой, пожал плечами и хотел было положить руку на голову юноши, но тот увернулся и быстро ушел.

С тех пор князь Ладрон был постоянно мрачен. Он не находил утешения и надежды ни на земле, ни на небе, ни в жизни, ни в смерти. Тогда отец решил, что клин клином вышибают и что единственная надежда – отправить сына в дальний и тяжелый поход, навстречу новым странам, новым опасностям, новым друзьям и, как знать, может быть, новой любви.

И вот Педро здесь, на берегу речки у города со странным названием «Вибинум». Их отряд должен двинуться к святилищу Ангела на мысе Гаргано, а оттуда уже отплыть на Святую землю.

Отправились в путь только на закате. Минут через десять князь Ладрон оглянулся. На фоне горящего багрянцем неба белел на вершине горы город, так похожий на его Калаат-раву, что у него защемило сердце. Надо запомнить это название – Вибинум. «Я еще вернусь, - пообещал он себе. - Я еще освобожу Калаат-раву. Ну, не я, так мои сыновья или сыновья моих сыновей, или их сыновья. М-да, но для этого все-таки нужно обзавестись сыновьями». Эта неожиданная мысль заставила его усмехнуться – впервые за почти что год.

2

В походе князю и впрямь было не до мрачных мыслей. Очень скоро выяснилось, что у него наследственный полководческий дар – все Гвевара были отменными воинами, - и он был привлечен к разработке военных операций. Конечно, немалую роль в этом сыграло его славное имя и славное происхождение. Но однажды прошлое нагнало его и нанесло очередной удар.

Крестоносцы уже давно осаждали городок, в котором неделю назад кончились и вода, и еда. Каждый день за ворота города выбрасывали тела людей, умерших от голода и жажды – в основном, детей, стариков и

женщин, поскольку последние крохи еды и собранную на рассвете росу отдавали воинам. Крестоносцы внимательно наблюдали, не зашевелится ли какое-либо тело: среди трупов мог спрятаться лазутчик. Ровно в полдень ворота открылись, и из них стали выкидывать очередные тела. Внезапно среди них проскользнула молодая женщина и бросилась бежать, прижимая к груди младенца.

- Что это? – обратился к старику-переводчику Ладрон. Тот пожал плечами.
- Пытается спасти своего малыша. Но кто ж ей позволит? Она же может рассказать вам о положении в городе.

И действительно, после минутного замешательства вслед женщине полетели сначала проклятья, а потом камни.

- Смотри-ка, стрелы берегут, видимо, тоже кончаются, - сказал старик Ладрону. Но тот ничего не слышал. Бегущая женская фигурка, камни... Как его Мириам! Он вскочил на коня и бросился навстречу женщине. Тогда полетели стрелы – немного и прицельно. Одна из первых вонзилась в спину женщине. Та упала и замерла.

Когда юноша подскакал, женщина была мертва. Младенец ожесточенно сосал ее помертвевшую грудь, из которой сочилось уже не молоко, а кровь. Ладрон подхватил его почти невесомое тельце и помчался назад. В его сознании мелькнул образ его предка, унесшего от врагов другого младенца – королевича. Только этот был совсем не королевич...

- Не жилец, оголодал очень, нам его не выходить, да и не вынесет он походной жизни, где мы ему молоко будем доставать? - удрученно сказала старшая из монахинь, которые ухаживали за ранеными.

Юноша пожевал хлебный мякиш, завернул его в самую чистую из имеющихся тряпицу и сунул младенцу в рот, но тот был слишком слаб и мал для такой пищи... До утра сидел Педро, покачивая младенца, а на рассвете тот окончательно затих... Князь плакал так, как не плакал даже над телом Мириам, - беззвучно и безнадежно. И этот тоже не попадет в царствие небесное. И его мать...

Рядом с юношей присел монах. Он как будто прочитал его мысли:

- Не убивайся ты так. Там, на небесах, между адом и чистилищем, есть зеленая долина и замок, в который ведут семь ворот. В нем живут души некрещенных младенцев и тех, кто при жизни не встретил Бога, но жил, сам того не зная, по Его заповедям. Они не

мучаются, не страдают, они даже почти счастливы. Почти – потому что они лишены возможности видеть Бога. Их не жжет адский пламень, не морозит одиночество. Журчит река, цветут цветы, порхают бабочки. Все у них есть, кроме одного – они не видят Бога, и это рождает в них вечную тоску... Но если они и не видят Бога, то никто не возьмется утверждать, что они не видят и Его Матерь. Мадонна приносит в Зеленую долину утешение и покой... Как будет по-испански «зеленая долина»? Вал верде? Вот и молись Мадонне Зеленой долины – Мадонне Валверде...

Речь монаха текла плавно, почти убаюкивающе. И действительно, слезы князя постепенно высохли, жгучая боль в душе отступила. «Мадонна Валверде, - повторял он про себя. - Я сам, или мои сыновья, или сыновья моих сыновей, освободим от мавров Калаат-раву и построим у речки святилище черноглазой смуглой Мадонны Зеленой долины – для моей Мириам, для этой женщины, для ее крохотного сына... Святилище Мадонны Валверде...»

Крестоносцев сопровождала группа монахинь, которые занимались, в основном, ранеными и больными, а также готовили еду, штопали одежду и как могли утишали тоску воинов по дому.

Педро подружился с некоторыми из них, особенно с сестрой Терезой. Она была из южной Италии, их община сопровождала Боемонда Тарентского, сына Роберто Гуискардо. Обычно живая и веселая, в последнее время Тереза сильно изменилась. И однажды решила поговорить с Педро по душам.

- Знаешь, мне кажется, что я ошиблась в своем призвании. Не в смысле монашества вообще, а в служении крестоносцам. Я больше не могу видеть, как погибают старики и дети, виноватые только в том, что они не христиане. Перевязываю раны и лечу наших воинов, а наутро они вновь идут на штурм, и вновь гибнут невинные...
- Они гибнут не только из-за нас. – князь помолчал, а потом рассказал монахине о Мириам.

Тереза безуспешно искала слова утешения. Педро сам прервал молчание:

- Думаю, не только нас мучают эти мысли. Все видят, что и среди мусульман есть хорошие, достойные люди. – Он оглянулся и указал на Абдуллу, - например, он.

Крестоносцам часто встречались беженцы. С приближением отряда из городов спешили уйти женщины, дети и старики. Их пропускали, и они шли к родственникам или друзьям в надежде укрыться там от войны.

В одной из таких групп шел и Абдулла, седой старик, он подвернул ногу и вынужден был отстать от остальных. Монахини перевязали его, уложили в тень, он еще немного поболел, а потом прижился в лагере, да так и остался с крестоносцами, служа им переводчиком и объясняя местные обычаи.

- Куда мне идти, у меня никого нет, бояться мне нечего, а смерть везде найдет, когда срок придет, - говорил он.

Абдулла был математиком и астрономом, а к тому же широко образованным человеком. В свою профессию он был влюблен и умел рассказывать о ней так, что по вечерам у костра рыцари слушали его открыв рот.

- Вот, например, сколько будет один плюс один? – спрашивал он.
- Два! – дружно отвечали ему.

- А вот и нет! Одна кошка плюс одна мышка будет одна кошка, а один кролик плюс одна крольчиха будет двадцать четыре крольчонка!
- Вообще-то верно, - озадачились слушатели.
- Или еще: один всадник плюс один пехотинец будет два человека и одна лошадь, - подначивал их старик.
- погоди, тут что-то не так! Нас же учили: один плюс один – два, два плюс два – четыре. Вот смотри: одна монетка и еще одна – две монетки, одна рука и другая – две руки.
- А одна рука и одна нога? – хитро улыбнулся Абдурахман.
- Тоже две!
- А две чего – руки или ноги? Тут дорогие мои, мы должны понять, что такое абстракция и обобщение...

А когда угасал костер, все ложились на траву, смотрели в небо, а старик рассказывал им о звездах.

4

Такие вечера нравились всем, но в одну несчастливую ночь искра от костра подожгла палатку, в которой спали монахини. Пламя мгновенно взмыло ввысь. Рыцари бросились тушить огонь, засыпая его песком. Абдулла прорвался сквозь пламя в палатку и начал помогать выбраться женщинам – одной, второй, третьей... а потом схватился за горло и рухнул. Когда его удалось вытащить, было уже поздно. Правда, в нем еще теплилась жизнь, но было ясно, что его не спасти.

- Прими крещение, ну пожалуйста, прими крещение! Я так хочу встретиться с тобой в царстве небесном! – упрашивала его Тереза.
- Не горюй, девочка, - еле выдавил из себя Абдулла. – Если ваш Бог такой мудрый и милосердный, как вы думаете, Он что-нибудь для меня придумает...

Тереза, которая выскочила одной из первых и тоже стала тушить пожар, сидела над телом старика молча и недвижно. «Как я над телом Мириам», подумалось Ладруну. Он сел рядом с ней и приобнял за плечи:

- А ведь он опять прав... Бог все уже придумал. На границе между адом и чистилищем есть зеленая долина...

Педро повторял слова монаха также монотонно и успокаивающе и почувствовал, как Тереза сначала отмерла, начала тихо всхлипывать, а потом затихла.

- И ты, когда закончится этот поход, создашь общину, и вы будете молиться смуглой и черноокой Мадонне Валверде о Мириам, об

Абдулле, обо все остальных некрещенных, но праведных людях. Я уверен, что тебя поддержат многие. Видишь, уже и храмовники выбрали своей покровительницей Черную Мадонну, и это неспроста. Правда, они ссылаются на Песнь песней – «Черна ты, но прекрасна, возлюбленная моя», - хотя мне кажется, что дело в другом...

В том же году в Акре была основана женская монашеская община Мадонны Валлеверде. А в 1229 году валлевердианки появились и в окрестностях Матеры.

Князь Педро Ладрон Гевара вернулся в Испанию, нашел себе жену и растил сыновей, чтобы было кому передать обеты.

Глава 3. Дон Педро младший

1157 год

1

Педро с самого утра был взбудоражен, хотя и старался этого не проявлять. Еще бы – впервые после 10 лет, проведенных вдали от родины, он возвращался в Испанию.

В его возбуждении было все: и предчувствие дальнего и сложного путешествия, и радость от предстоящей встречи с матерью и бабушкой, и гордость от участия в важном деле, и даже некоторый если не страх, то беспокойство.

Они ехали большим отрядом. Вернее, большой отряд состоял из нескольких групп рыцарей, прибывающих из разных монастырей. Это его великий дед, Педро Ладрон де Гевара, придумал и создал такую структуру.

Вернувшись из крестового похода, Педро-дед занялся поисками жены, достойной матери своих будущих сыновей. Он не питал иллюзий по поводу возможности сразу же освободить дорогую его сердцу Каалат-Раву, у короля не было на это сил, а самое главное – молодые воины погибали раньше, чем успевали набраться опыта, жениться и родить сыновей, мавры внимательно следили за любой группой юношей и наносили удар прежде, чем те взросли. И тогда Педро пришла в голову идея: надо отсылать младших отпрысков в соседние страны и там готовить из них настоящих воинов. Тогда мавры не достали бы их, и можно было бы подготовить в тайне от них настоящую армию.

Центрами подготовки юношей должны были стать монастыри во Франции и Италии. Однако местные владыки не спешили позволить группам иноземных вооруженных рыцарей наполнять монастыри. Деду пришлось проявить весь свой незаурядный талант стратега и дипломата, убеждая их. Например, монастырь в Трое, где обучался Педро, был передан испанцам в 1124 году после того, как отряд молодых людей во главе с Санчо, сыном Педро, помог норманнам, а в особенности графу Лоретелло и сицилийскому королю Роджеру II, укрепить свое господство в Пулии. Этот монастырь так и стал называться – Сан Никола Калатрава.

Но все равно нельзя было собирать много молодых людей в одном месте, поэтому по мере прибытия юношей из Испании создавались или принимались в управление новые монастыри.

Время шло, число подготовленных воинов росло. В 1147 году отряд юношей во главе с настоятелем монастыря в Орсаре отправился в Испанию. Официально считалось, что настоятель-испанец предпринял дальнейшее путешествие, чтобы узнать новости и подружиться с королем, хотя их дружба насчитывала уже многие годы: они родились и выросли в одном городе. А взял он с собой так много послушников потому, что путешествие было очень опасным. Но все рыцари знали, что их ждет великая битва – за Калатраву. И битва состоялась. Калатрава была освобождена, а настоятель получил от короля в дар виллу Бамба – за отвагу, проявленную его «послушниками».

Среди юношей был и старший брат Педро-внука, Вела. Он и стал управителем Бамбы. Неудивительно, что первым делом он основал поблизости святилище Святой Марии Валлеверде... Но Бамба – это не Калатрава, завет деда еще не был исполнен полностью. И завет теперь принял на себя старший внук Педро. Сам Педро и его сын Санчо погибли в битве.

2

Все это Педро знал по рассказам Велы, бабушки и матери. Ему тогда было всего 10 лет. Педро-дед ринулся в атаку не просто в первых рядах – первым. В самой его фигуре в развевающемся плаще на мчащейся лошади было что-то устрашающее и мистическое. Санчо пытался догнать отца, но сумел только тогда, когда под градом стрел рухнула лошадь Педро. Но это его не остановило. Сын предложил ему своего коня, но Педро только молча отмахнулся и побежал вперед. Он врезался в город как нож в масло. Некоторое время казалось, что смерть его не берет, но вот один удар настиг его, потом второй... Санчо хотел подхватить раненного отца, но тот опять отмахнулся и вновь ринулся в бой. С крыш домов летели стрелы. От одной из них Санчо успел загородить отца и рухнул замертво. Но Педро это не остановило. Следующая стрела настигла и его, и он упал рядом с сыном...

Педро с замиранием сердца слушал этот рассказ. Его брат Вела вошел в город с другой стороны вместе с отрядом «послушников». Они и нашли тела деда и отца.

3

Педро собирался в путь. Пришла его пора отправляться в Италию, борьба еще отнюдь не была закончена. Мальчику было страшно уезжать из дома.

- Ну почему я не могу остаться? – спрашивал он. – Калатрава освобождена, зачем теперь готовить воинов в других странах?
- Взять город проще, чем удержать его, - рассудительно объяснял ему брат. – У короля нет сил на его оборону. Видишь, он вынужден отдать Калатраву тамплиерам, но они тоже не могут держать здесь большой отряд, ведь основной их долг – в Святой земле. А мавры все еще очень сильны. Дай Бог, чтобы тамплиеры продержались лет десять, пока не подрастете вы. Ведь почти все ваши отцы, деды и старшие братья пали в бою. Что будет, если храмовники уйдут?
- А ты почему остаешься?

- На кого оставить маму и бабушку? Да и подготовить ваше возвращение надо, не так все просто...

Разговор с бабушкой вышел еще более строгим. Потеря мужа и сына не сломила ее, а, казалось, заморозила.

- Ты должен – вот и все. Все твои предки были воинами, будешь им и ты. Это опасная работа, она несет смерть. А чтобы выжить и победить, или хотя бы просто победить, нужно быть хорошим воином. Для этого ты и едешь в Италию – чтобы стать хорошим воином.
- А может быть, я не хочу быть воином? Я хочу делать что-нибудь другое!
- Что? Выращивать цветы? Этим можно будет заняться после войны.
- А когда кончится война?
- Эх, дай Бог, чтоб твои праправнуки до этого дожили... А пока надо быть хорошим воином. Видишь, даже монахи в бой идут, а уж они-то могли бы отсидеться за стенами монастыря.

А мама ничего не говорила Педро, она только прижимала его к себе и старалась удержаться от слез. Только напоследок сказала:

- Лучше поезжай, хоть за тебя сердце болеть не будет.

4

И вот теперь Педро возвращается на родину. За ними приехал Вела, его брат. Он и рассказал о том, что их ждет.

- Тамплиеры больше не могут удерживать Калатраву. Нужно готовиться к новому крестовому походу, беречь силы. Король Санчо III ввязался в войну с Наваррой, ему не до этого. Храмовников должны заменить мы.
- Кто это – мы?
- Дело в том, что тамплиеры, как ты знаешь, военный монашеский орден. Они не хотят передавать город вассалам короля, потому что те обязаны воевать там, где он прикажет, а Санчо сейчас волнует только Наварра. Значит, нужны люди, независимые от короля.
- А мы – независимые?
- В общем-то, да. Вы живете в монастырях, то есть можно сказать, монашествующие. И вы – рыцари. Почти как тамплиеры.
- Ну, у них-то свой орден, а у нас? Еще раз спрашиваю: мы – это кто?
- Вы - калатрава. Будет и у вас свой орден, погоди.

Из Трои они двинулись на Неаполь. Выехали в ночь, чтобы утром погрузиться на корабль. На вершине одной из гор Педро оглянулся и увидел висящую в темном небе золотую корону. Сначала он изумился, а потом, приглядевшись, понял, что это огни Вибинума, города, в который его дед обещал вернуться.

Педро казалось, что их поход напоминает рождение реки. Небольшие отряды встречались, сливались и двигались дальше вместе, вбирая по дороге все новые отряды-ручейки, пока не стали похожи на полноводную реку. Еще одна «река» стремилась из Франции, «речки» поменьше – из других, иногда очень дальних краев.

5

Отрядам было приказано остановиться вдали от Калатравы и не привлекать внимание. Педро не мог понять, зачем это надо.

- Понимаешь, не стоит показывать королю Санчо, что тамплиеры не хотят отдавать ему город – он может воспринять это как обиду, и тогда жди беды. Мало нам врагов-мавров, так еще и конфликт с королем.
- А что же делать?
- Сам увидишь. Главное – появиться в нужное время в нужном месте.

Педро стал с интересом наблюдать за событиями. Вот тамплиеры отказались оборонять город. Вот вернулся из Наварры король и стал искать, кому бы отдать Калатраву. Но все отказывались, что в общем-то, неудивительно: если уж такому мощному ордену, как храмовники, не

под силу защищать цитадель, то что уж говорить об отдельных местных правителях.

- Неужели и впрямь никому не нужна Калатрава? – спрашивал он у брата Велы.
- Кое-кому нужна, конечно, но их сумели уговорить не высовываться.
- А как сумели уговорить?
- Объяснили, что ордена умеют быть благодарными. В отличие от некоторых королей...

В день прибытия короля Санчо в Наварру в лагере рыцарей произошло странное событие. Рано утром туда прибыли два каких-то монаха. Они прошли в палатку Велы, который приказал не беспокоить ни его, ни его гостей, но разрешил Педро присутствовать при разговоре.

Один из монахов оказался Раймонд Серрат, настоятель монастыря в Фитеро, поблизости от Наварры, где король вел войну. Вторым был брат Диего Веласкес.

- Вы готовы? - спросил аббат.
- Да, а вы?
- Мы тоже.
- Как вы надеетесь убедить короля?
- Брат Диего - не только бывший рыцарь, но и друг детства короля Санчо. Он ему поверит.
- Тогда вперед.

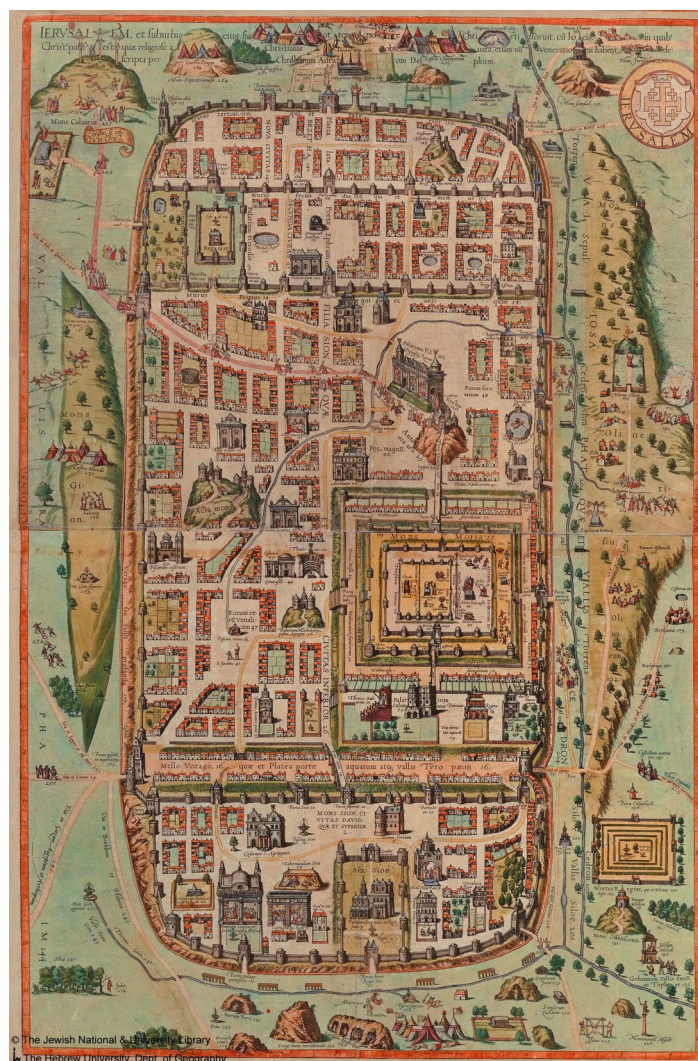
Так оно и вышло, монарх согласился передать город монахам, но с одним условием: сначала они должны доказать, что в состоянии защищать Калатраву. И тут пришел черед рыцарей. В течение нескольких дней (стольких, сколько понадобилось на то, чтобы свернуть лагерь и добраться до города) к стенам Калатравы собралось почти 20 тысяч молодых, хорошо обученных и вооруженных рыцарей, в основном, из Франции и Италии. А еще через полгода король подписал дарственную на город в пользу «Бога, Девы Марии, аббата Серрат и его братьев»...

6

- Теперь можно, наконец, исполнить завет деда, - сказал Вела Педро. – Ты еще помнишь о нем?
- Но Калатрава же не только освобождена, но и независима! Разве был еще какой-то завет?

- Был. Основать у города, на берегу реки, святилище Мадонны Валлеверде.
- Валлеверде? Это где?
- Поблизости от чистилища, - и Вела рассказал брату историю деда: про прекрасную Мириам, про Абдуллу, про женщину с ребенком. Про зеленую долину лимба...
- А как же бабушка? Он что, совсем не любил ее?
- Поначалу не любил. Он искал мать своих сыновей – сильную и умную девушку, способную понять и принять его цель жизни, его служение Мадонне Зеленой долины. И он нашел бабушку.
- А она знала..?
- Знала. Дед хотел, чтобы она приняла его таким, как он есть, не обманывая ее надежд и не притворяясь. И она приняла.
- Наверное, она его очень любила...
- Знаешь, он ее тоже очень любил – совсем не так, как Мириам, вероятно, намного сильнее. В Мириам он был по-юношески влюблен, а любовь – это совсем другое...

И они нашли то заветное место у реки. И построили святилище. И поставили статую смуглой черноглазой Мадонны. А потом подарили святилище Богу, Деве Марии и Ордену Калатрава.

Глава 4. Дон Энрико

1208

1

Эта нелепая смерть все окончательно запутала. Ну надо же – погибнуть от руки отвергнутого жениха дочери! И это в королевском семействе! Несчастливая любовь? Как будто такое бывает с принцессами! Энрико с недоумением покачал головой. Теперь придется срочно предпринимать какие-то шаги, чтобы разрулить ситуацию в столь важной для него – и не только – Пулии. Поэтому и спешит он сейчас в Мессину, вести переговоры с 12-летним мальчишкой!

Он потерял свою больную руку – ее всегда ломило от сырости. Энрико, поздний ребенок Педро Гвевара, родился с частично парализованными ногой и рукой. И речи не могло быть о том, чтобы стать воином. В детстве это его очень огорчало, как, впрочем, и его отца. Но потом он нашел свой путь. Практически не покидавший дом мальчик вынужденно присутствовал при встречах и разговорах взрослых. Смысла их он часто

не понимал, но ему было интересно следить за выражением лиц, интонациями, позами... Со временем он выработал в себе редкую наблюдательность и способность по отдельным фразам, жестам, даже взглядам понять происходящее, отношение собеседников, их интересы и намерения. Отец понял, что соединив это с присущим всем Гвевара стратегическим мышлением, мальчик может стать прекрасным дипломатом. И он стал им, вернее, пока еще советником.

Надо сказать, что последние лет 20 Германию просто преследовали смерти, одна сменяла другую. В 1190 году утонул Фридрих Барбаросса, отец несостоявшегося тестя, Филиппа Швабского, через год, во время крестового похода, умер один из старших братьев Филиппа, Фридрих VI, герцог Швабский. Тогда еще были живы другие старшие братья - Генрих, Конрад и Оттон, - но ни у кого из них не было сыновей. Потом умерли Генрих и Конрад, а теперь вот и Филипп...

Энрико задумался над судьбой Филиппа, почти епископа, почти императора и иногда – короля... Самый младший сын Барбароссы с детства знал, что будет священником – больше ничего ему не светило. И он хотел стать хорошим пастырем, старательно учился и вообще был примерным мальчиком. Ему было всего 13 лет, когда отец, как будто предчувствуя свою скорую гибель, организовал избрание Филиппа епископом. В том же году Барбаросса утонул, а новоявленный епископ так и не был рукоположен... Энрико попытался представить себе его эмоции. Испытывал ли мальчик чувство обреченности сначала? Как-никак, духовную карьеру ему предопределил отец. И чувство освобождения – потом? Да, он был уже избран, но таинство-то еще не свершилось... Судя по тому, что он почти сразу же отказался от своего сана, он был рад обмануть судьбу... Или это Господь внес поправки в замыслы императора?..

Так или иначе, его брат, император Генрих добился того, чтобы Филиппу позволили вновь стать мирянином. Наверное, им руководила не только братская любовь, но и то печальное обстоятельство, что ни у кого из братьев не было сыновей, к тому же один из них, Оттон, оказался способен на все, что угодно, кроме правления. В такое кровавое и смутное время стоило иметь под рукой возможного преемника... И опять Господь вмешался в людские планы – всего через год у Генриха родился наследник, Фридрих! Энрико искренне посочувствовал

Филиппу. Обратного пути у него не было, на епископской кафедре сидел уже другой человек, да и вернуться к священству было теперь сложно...

Конечно, брат понимал смятение юноши – ведь тому было всего 17 лет. Или уже 17 лет, если подумать о том, что он теперь совсем ничего не знал о своей судьбе. Император Генрих постарался утешить Филиппа и как только завоевал в 1194 году Сицилийское королевство, отдал в лен бывшему почти епископу Тоскану. И вновь божественное провидение сказало свое слово – через год умер дядя Конрад, и Филипп получил его владения, став герцогом Швабии. Энрико усмехнулся – вот он, краеугольный камень всей интриги: останься Тоскана в руках у Филиппа, сегодня многие проблемы виделись бы по-другому.

Вообще во всей этой истории Сицилийское королевство играло какую-то мистическую роль. Именно там родился и провел первые годы сын и наследник Генриха, Фридрих. Еще будучи маркграфом Тосканы, Филипп обручился со вдовой сицилийского принца Роджера, герцога Апулии. Это мог бы быть брак с дальним прицелом... Но свадьба состоялась через два года, когда Филипп был уже в Швабии. А еще через 4 месяца и три дня умер император Генрих... В этот момент Филипп был как раз в Италии, поскольку брат поручил ему забрать своего сына и привезти в Германию. Императрица – теперь уже вдовствующая – Констанция этому категорически воспротивилась.

- Ты – человек хороший, тебе я верю, - говорила она Филиппу, - но нашу знать я знаю как облупленную. Так она и признает королем 3-хлетнего малыша, да еще и рожденного не в Германии! Начнутся свары, дразги... Нет уж, мы останемся здесь, и я постараюсь обеспечить ему хотя бы Сицилийскую корону. А ты забирай своих соотечественников и возвращайся на родину. Постарайся отстоять права племянника, а я подожду и буду молиться за тебя – и за него.

Так она и поступила, а Филипп с большим трудом добрался до Германии. Там он довольно быстро понял, что отстаивать права племянника ему будет действительно трудно, особенно в отсутствии королевы и наследника престола. Если бы хотя бы он был назначен опекуном! Единственный выход, казавшийся ему разумным, - принять корону самому. 6 марта 1198 года Филипп был избран королём Германии, а 6 сентября он был коронован в Майнце. Филипп пытался убедить Констанцу – и самого себя, - что это только временно, что как только Фридрих подрастет, он передаст ему трон, но вдова не поверила.

Фридрих стал королем Сицилии – через две недели после коронации Филиппа.

Однако противники обвинили Филиппа в том, что он нарушил присягу своему племяннику и выдвинули своего кандидата. Им оказался Оттон Брауншвейгский. Матерью Оттона была английская принцесса Матильда, а сам он был воспитан при английском дворе, где жил с восьмилетнего возраста. Его дядя - король Англии Ричард I Львиное Сердце, в расчете на его поддержку и избрали Оттона королем. Филипп обратился за помощью к королю Франции – и началась 10-летняя свара... И все бы ничего, но вмешалась третья сторона: умершая в тот же год Констанция назначила опекуном Фридриха папу Иннокентия. Тот поначалу не вмешивался, а Филиппу приходилось туго. Но опять смерть внесла свою лепту – умер король Ричард, англичанам стало не до поддержки Оттона. Казалось, виден конец междоусобице, но неожиданно вмешался Иннокентий – на стороне Оттона. Представители Филиппа говорили папе:

- Ваше святейшество, Вы – опекун Фридриха, законного наследника престола, а Филипп – его дядя. Он не обидит племянника!
- Допустим, племянника он не обидит, а вот меня?

Послы растерялись: на этот счет у них полномочий не было. Филиппу нечего было предложить понтифику...

- Оттон предложил папе Равенну, Анкону, Тоскану и Сполето, - доложили послы, вернувшись в Германию.
- Вот мерзкий торгаш! – взорвался Филипп. – Так он свое опекунство понимает!

Иннокентию донесли о неосторожных словах Филиппа, и тот отлучил его от церкви. Впрочем, в калейдоскопе событий этого почти никто не заметил... Или почти не заметил. За пару лет на сторону Филиппа перешли не только многие феодалы, но и священство, включая архиепископа Кельна.

- Так, глядишь, дело до раскола дойдет, - раздумывал папа. – А такая выгодная междоусобица была... С другой стороны, вроде негоже переходить теперь на сторону Филиппа. Надо бы их помирить...

Отлучение с Филиппа он снял, но и этого, похоже, никто не заметил. Помирить противников однако не удалось. Правда, и на этом папа не прогадал.

Энрико присутствовал на переговорах папы и посланников Филиппа и с огромным интересом наблюдал за происходящим. Это был бесценный опыт!

- Поскольку Оттон явно потерял преимущество, рассчитывать на обещанные им земли Вам уже не приходится, - говорили послы. - Эти земли теперь принадлежат королю Филиппу.

- Ну, положим, принадлежат – это громко сказано, их надо не только захватить, но и удержать. Для этого нужна сильная рука, причем здесь, поблизости.
- И Вы знаете такую руку? – спросили посланники, и Энрико понял, что предыдущая их фраза была «домашней заготовкой». У папы загорелись глаза: такой вопрос означал готовность к торгу.
- Найти можно..., - сказал он. - Вот, например, мой брат Рикардо – очень способный на это человек.
- Да, это так. Но не может же король просто так подарить ему Тоскану, Анкону и Сполето...
- Зачем просто так? Неужели у вашего короля не найдется лишней дочери, которой можно было бы дать приданное?

Энрико поразился тогда, как молниеносно Иннокентий среагировал – как кот при виде очень вкусной мышки...

Сейчас же он думал о том, что не стоило королю Филиппу нарушать свои принципы и вступать в торги. Эта злосчастная беседа стоила ему жизни. На свадьбе своей племянницы он был заколот отвергнутым им женихом своей дочери. Той самой...

1209

Спустя год Энрико снова ехал в Мессину, но на этот раз на свадьбу. Он был очень доволен собой. Пожалуй, это была его первый серьезный успех как дипломата.

- Ваше величество, - говорил он год назад королю Сицилии, он же племянник Филиппа, передавая ему буллу понтифика, - этим документом Его Святейшество признает Вас совершеннолетним.
- И что мне это дает?

Энрико не знал, как объяснить мальчику все дипломатические тонкости этого решения, поэтому ответил просто:

- Вы можете жениться, - на самом деле, не «может», а «должен». Папа прекрасно понимал, что его 13-летний воспитанник, обладавший незаурядным и непростым характером, к тому же сирота, не готов должным образом управлять королевством, и решил женить его на взрослой опытной женщине, богатой сильной родней. Но говорить это прямо Фридриху не стоило: он вполне мог взорваться и отказаться от брака.
- Жениться? Уже? Это хорошо, - реакция подростка была неожиданной. Энрико был готов увидеть растерянность, может, даже страх, но никак не радостную готовность. – А на ком?

Это был сложный момент. Папа сам выбрал Фридриху жену – вдову, на 10 лет старше него и уже имевшую ребенка, правда, недавно умершего. Сначала Гвевара хотел притвориться, что его интересует мнение короля о том, какой должна быть его жена, и постепенно подвести его к мысли, что это должна быть взрослая, зрелая женщина. Однако теперь он понял, что с этим мальчишкой лучше говорить прямо.

- На Констанце Арагонской. Правда, она немного старше Вас...
- На 10 лет, - уточнил Фридрих. – И вдова. Это тоже хорошо.
- Почему?! – не удержался от вопроса Энрико: лично ему совсем не казался привлекательным брак с такой разницей в возрасте.
- Опытная значит. – Энрико хотел было удивиться неожиданной мудрости мальчика-короля, но тот добавил: - А то мне с этими девчонками скучно, ничего не умеют, только хихикают и повизгивают.

Энрико понял, что тот имел ввиду совсем другую опытность. Фридрих все больше поражал его и даже немного пугал. Пугал непредсказуемостью и неординарностью.

- А свита у нее будет большая? Я имею ввиду, воинов много?

Вот этот вопрос был кстати. Еще до приезда к королю Энрико видел в свите невесты главный аргумент в пользу брака с ней – он знал, что у Фридриха много врагов и мало обученных воинов.

- Свита будет отборная, все опытные вояки. 250 человек.
- А побольше нельзя? Человек 500.

Это был уже полный успех, гораздо больше, чем Энрико мог рассчитывать. Он отдавал себе отчет в том, что никакой владыка не хочет иметь на своей территории много вооруженных чужестранцев. Но это обычный владыка. Фридрих никак не относился к числу обычных.

Таким образом первая часть его дипломатической миссии была выполнена, теперь надо было спешить в Испанию и делать следующий шаг, пожалуй, еще более сложный. Надо было убедить невесту взять с собой рыцарей Калатрава, которые будут служить ей свитой.

Дело в том, что после взятия Калатравы положение испанских рыцарей в монастырях Пулии было двусмысленным. С одной стороны, главная цель их присутствия здесь – тайная подготовка армии для взятия Калатравы – была достигнута. С другой – война с маврами была не завершена, военные лагеря – каковыми по сути стали эти монастыри – все еще были очень нужны. С норманнами конфликтов не возникало, их вполне устраивало, что рыцари брали на себя и охрану городов, в которых селились, и их верность норманнским правителям, благо последние часто отсутствовали, как это было, например, в Вибинуме, где калатрава жили даже не в монастыре, а в странноприимном доме, специально построенном с хорошим обзором подступов к городу. Но вот со швабами еще предстояло установить отношения. И законный повод присутствия рыцарей был более, чем кстати. Однако и здесь особых сложностей не возникло – Констанца была дочерью короля арагонского и дочери короля кастильского. Оба короля были сейчас заняты не только борьбой с маврами, но и междоусобицей, а калатрава не принадлежали ни к одной из противоборствующих сторон и тем самым устраивали обе...

И вот теперь Энрико плыл на корабле со свитой Констанцы, и с самой невестой. Свиту он подбирал очень тщательно. Она обязательно

должна была понравиться королю – на это был весь расчет. Но король был настолько юн, что мало что было известно о его пристрастиях. Поэтому Энрико сформировал несколько групп: очень сильных и отважных воинов, очень образованных и умных воинов, очень хорошо поющих и танцующих воинов. Все они – и за этим он следил особо – были невысокого роста и с не слишком темной кожей: король был низенький, светлокожий и рыжий. А король никогда не должен быть ниже своих подчиненных и слишком отличаться от них – если только не в самую лучшую сторону. Особенно такой юный и самолюбивый как Фридрих.

На палубу вышла Констанца, и Энрико с почтением приблизился к ней.

- Как самочувствие? Я могу быть чем-нибудь полезен? – Она была на 4 года младше его, и за время пути они почти подружились.

Она печально покачала головой. Она похожа на подбитую птицу, подумал Энрико. Наверное, она чувствует доверие ко мне благодаря моей сухорукости и хромоте – это делает и меня подбитой птицей.

- Могу ли я спросить, почему Вы так печальны?
- Поводов для радости мало.
- А свадьба? Я понимаю, тут о любви не может быть и речи, но ведь этот брак дает свободу.
- Свободу... А что это такое? Я еще ее и не пробовала. Была дочерью, сестрой, женой, матерью, вдовой, даже монахиней – вот только самой собой никогда не была... Я даже не знаю, какая я.
- Красивая и умная.

Констанца чуть улыбнулась.

- Вы льстец. Я старая и поношенная. Брат выдал меня замуж, когда мне еще не было 14 лет. В 15 я была уже матерью, в 20 – вдовой. Все это не красит женщину.
- Ну почему же – брак, материнство – это так прекрасно...
- Любовь делает брак и материнство прекрасным. Без нее они превращаются в рабство.
- Вы не любили своего мужа?

- Мы не любили друг друга, - подчеркнула Констанца. – Королю Эмерику Венгерскому не нужна была жена, ему срочно нужен был наследник.
- А сын? Его-то Вы любили?
- Нет, Вы не понимаете! У меня не было сына! Я родила наследника престола – на этом моя функция матери была исчерпана... Бедный малыш... он так и остался наследником... Ему было пять лет, когда умер его отец и его дядя захватил престол. Мы бежали с ним в Вену, а через год малыш умер...
- Он был болезненным ребенком?
- Нет, что Вы, крепыш, каких поискать... Он умер так страшно и так странно: просто не проснулся утром – и все... А по лицу пошли алые пятна. Думается, что недаром его добрый дядюшка отказался везти его хоронить в Венгрию... Там могли бы обо всем догадаться.

Оба надолго замолчали. Но Энрико хотелось все-таки развеять мрачное настроение невесты.

- Знаете, на меня Фридрих произвел очень сильное впечатление: совершенно самобытная личность, сильная, умная, яркая. И он совсем не ребенок. Во всех смыслах... Как знать, может быть, именно с ним Вы найдете свободу, счастье – и саму себя.
- Как знать...

Они опять замолчали, глядя на приближающийся в дымке берег острова...

1225 год

И снова свадьба, правда, и на сей раз немного грустная. Прошло 16 лет, 3 года назад Федерико похоронил Констанцу... Энрико оказался прав: король – а теперь уже император – сумел сделать ее счастливой.

Но королям редко удается жить без жены... Вот и Фридрих вынужден вновь жениться – папа настоял на его браке с Иолантой Иерусалимской.

Понтифик надеялся решить таким образом проблемы крестовых походов.

Энрико это интересовало прежде всего потому, что после смерти Констанцы рыцари Калатрава опять потеряли законный повод находится в Пулии. Прибывшая с Констанцей свита выполнила свою задачу: очень скоро рыцари стали личной гвардией Фридриха, особенно после того, как помогли ему очистить от врагов Сицилийское королевство.

Гвевара признавался самому себе, что этот император его очаровал. Почти ребенок в момент их первой встречи, он вырос в настоящего правителя. Его многое роднило с Гвевара – прежде всего, страсть к образованию и веротерпимость. И независимость. Год назад он

открыл в Неаполе университет, в котором преподавали мусульмане и евреи - пришлось обойтись без папской буллы, понтифик никогда не одобрил бы такого вольномыслия.

Но сейчас Энрико волновало другое. Три года Фридрих не обращался к вопросу о рыцарях Калатрава, но теперь, после свадьбы, их явно ждали перемены.

Гвевара прибыл к императорскому двору в сумерках. Его сразу же провели к Фридриху, но поговорить сразу же о деле оказалось невозможно.

- Садись, садись, - приветствовал его по-дружески император – как-никак он были знакомы уже множество лет. – Тебе это тоже будет полезно.

Энрико огляделся. В кабинете Фридриха собралась странная компания: молодой итальянец, судя по костюму явно флорентинец, старый еврей с пейсами, мусульманин в чалме и без возраста, немец с гортанным выговором и военной выправкой, молодые кавалеры (среди них и калатрава) устроились группками у входа.

Еще более экзотично выглядели стены комнаты: они были увешены досками, на которых мелом были написаны какие-то странные тексты. Вглядевшись, Гвевара заметил математические символы.

- Ого, здесь проводят время в обществе математики!
- Не только. Знаешь, математика – это не просто счет, это философия и даже – не удивляйся – поэзия.
- Мой предок повстречал как-то в крестовом походе одного мусульманина – тот настолько увлекательно рассказывал о математике, что этот рассказ в нашей семье передают из поколения в поколение.
- Математик выжил в той резне?
- Увы, нет.
- Вот за это и не люблю войны: все враги – люди, но не все люди – враги.
- И все же крестовые походы нужны. Мне кажется, что все люди делятся на оседлых и кочевников. Не народы, а отдельные семьи, те, которым обязательно нужно куда-то отправляться, побеждать,

преодолевать... Они есть и будут всегда – будут воевать не за веру, так за что-нибудь еще. Это такая порода людей. Может быть, у них чего-то не хватает в крови. Или наоборот, чего-то слишком много. Вот Гвевара – перестанут воевать и максимум через пару столетий вырождаются. Такие люди, если им не указать врага, станут сражаться друг с другом, разрушая все вокруг. Уж лучше услать их куда-нибудь подальше от дома...

- «Они»? а ты не кочевник? Ты ведь тоже Гвевара.
- Хорошо, мы. Я тоже бродяга, мои битвы – переговоры. Можно было найти себе применение с моим увечьем и поблизости от дома, так я не могу усидеть на месте.
- Значит, не обязательно сражаться и разрушать? Можно и строить... Но ты, пожалуй, прав. Я тоже кочевник... Но вот битвы я не люблю.
- Любишь! Состязания ума любишь – это тоже битвы.
- Давай, кстати, вернемся к нашим ученым умам.
- Итак, мы остановились на занимательной математике.
- А что это за рассказ вы слышали от Абдуллы? – поинтересовался математик в чалме.
- Про один плюс один.

Мусульманин понимающе улыбнулся.

Они провели замечательный вечер. Напоследок Фридрих подмигнул Энрико:

- Знаю, о чем ты хочешь говорить. Сложный вопрос. Завтра с утра буду в твоём распоряжении.

2

На следующий день Гвевара встретил совсем другой человек – император, жесткий и властный.

- Калатрава должны покинуть Пулию, их миссия здесь завершена.

Энрико склонил голову. У него нет аргументов для императора. Он мог бы их найти для математика, философа, поэта, для друга, единомышленника, просто образованного человека, но тон, которым говорил Фридрих, не оставлял ему никаких надежд. Испанцы

потеряли опору в Пулии, более того, похоже было, что они будут здесь не в чести.

Но когда он поднял голову, то увидел, что император вертит в пальцах перо – это явно было признаком скрываемого смущения, некоторой неловкости. Имело смысл продлить молчание – так Фридрих вынужден будет сам нарушить его, и есть надежда, что тон его будет иным.

Наконец Фридрих положил перо и поднялся.

- Пойдем прогуляемся по саду – у меня здесь потрясающие растения прижились. – Энрико знал об интересе императора к ботанике, он отовсюду привозил семена понравившихся цветов и фруктов, трав и кустов, и любил ими хвастаться. Но сейчас совершенно очевидно, что цель прогулки была иная.
- Слушай, мне самому не хочется расставаться с рыцарями, но моя «невеста» - он горько усмехнулся – просто-таки уперлась.
- Иоланта? Она же совсем девочка!
- Нет, моя «невеста» скорее мальчик. Папочка ее, Джованни, король Иерусалимский.
- Чем ему не угодили калатрава?
- Не только они – все испанцы: он не забыл, что Испания не особо принимала участие в крестовых походах.
- И ему нет дела до того, что у нас полстраны было захвачено маврами – до сих пор от них не освободились.
- Ничего пока не могу поделать... А как там настроение у рыцарей?
- Нервничают, но зла на Вас не держат – понимают ситуацию. Многие все равно останутся, за эти годы они здесь женились, детьми обзавелись. Но беспокоятся, что иметь связь с родиной станет тяжело. Вот и епископ Орсары решил продать виллу, которую получил в награду за помощь во взятии Калатравы.
- О, кстати монастырях – в них-то ребята могут остаться! Я как бы не распоряжаюсь послушниками. Это выход.
- Не совсем. У калатравы только один монастырь, в Трое, в него много послушников не вместится. В остальных просто настоятели – испанцы, но настоятель – это не гарантия.

- Я не могу подарить вам монастыри, от меня это не зависит, - Фридрих задумался. – И папу мне лучше не просить, из принципа отдаст французам. Давай так: ты ищешь кого-нибудь, кто может обратиться к папе с такой просьбой, а я пока послежу, чтоб настоятелей никто не трогал. Вот епископ Вибинума с этим очень неплохо справлялся, Роберто.
- Он умер, к сожалению. Странноприимный дом, которое он создал, правда, существует, но можно ли продолжать использовать его для наших рыцарей...
- Тоже хорошая идея. Папа настаивает на новом крестовом походе – но нужно же где-то собирать крестоносцев. Пускай твои рыцари будут первыми. Давай, ищи ходатаев.

Легко сказать... Энрико де Гвевара сразу же начал обдумывать новую ситуацию. Задумался и император. Потом, пройдя несколько шагов, сказал:

- Не держи на меня зла и ты. У меня сейчас очень сложный момент. Этот брак может стать трамплином, а может – гробовой доской...
- Дело в короле Иерусалимском, ди Бриенне? Он не кажется таким уж кровожадным.
- Выскачка, - отозвался презрительно Фридрих. Энрико это покорило.
- В каком-то смысле мой предок, основатель фамилии, тоже выскачка. И он был никем и заслужил свою славу, сражаясь на поле брани.
- Но он же не стал королем! Для этого нужны совсем другие качества. Твой предок мог выдать за наследного принца кого-то из своих сыновей – ведь доказательство у него было одно – знаменитый перстень. А предпочел гораздо более благородный путь. При этом сам. А Джованни стал королем потому, что продемонстрировал свою способность быть управляемым и послушным.

Действительно, карьера Джованни ди Бриенна была удивительной. Он, как когда-то – и почти одновременно с ним – Филипп Швабский, с рождения был предназначен к духовной карьере, но решил стать рыцарем. Сорок лет он провел на турнирах и в схватках и стал достаточно знаменит. Потом он решил принять участие в крестовом походе и так понравился папе Иннокентию и королю Франции, что

когда в 1208 году (в год смерти Филиппа Швабского) посланники Святой земли попросили у Филиппа Августа выбрать какого-нибудь своего барона для женитьбы на наследнице Иерусалимского королевства, тот выбрал Джованни. И тут Фридрих прав – для этого мало было быть хорошим воином...

Брак, правда, продлился всего два года, но принес с собой дочь – ту самую Иоланту, новую жену императора Фридриха. 55-летний Джованни сразу же вновь женился на армянской принцессе.

- Но ведь крестоносцы пятого похода сами избрали его командиром – значит, было за что, - защищал его Энрико.
- Этого не отрицаю, хотя в конечном итоге поход все же провалился. Король должен был спешить к папе, ко мне, искать помощи, торговаться...
- Предмет торга, надо признаться, прехорошенький и совсем молоденький. Твоя будущая супруга стоит тягот крестового похода.
- Я никогда не любил юных девственниц, мы же с тобой об этом когда-то уже беседовали, – неожиданно вспомнил Фридрих разговор 25-летней давности. - Для меня Иерусалимское королевство стоит тягот супружеской жизни.
- Для жен короля Джованни супружеская жизнь и впрямь была тяжелой, недаром и вторая его жена, армянка, вскоре скончалась.
- А он тут же нашел себе новую, на этот раз из твоих краев.
- Да, Беренгвелу... почти на сорок лет моложе его.
- Почти ровесницу его дочери – моей будущей жены. Он осмелился явиться с ней на нашу свадьбу!
- Ну, ты ему приготовил хороший подарок.
- Не будем пока об этом, как еще все обернется...

1227 год

Два года ушло на поиски решения. И вот Энрико де Гвевара везет в Рим заветное ходатайство. И опять смерть оказалась решающим аргументом.

Обдумав разговор с императором Фридрихом, Энрико сразу понял, что искать выход можно только в Испании. Никакой другой край не стал бы просить папу об испанских рыцарях. Италия тоже исключалась, Фридрих дал это ясно понять. Но проблема была в том, что Испании как таковой в общем-то не существовало (как и Италии, впрочем), было множество королевств, которые то вместе воевали против мавров, то

грызлись друг с другом. Слишком много королей на один, пусть даже большой, полуостров... Гвевара имели интересы и в Наварре, и в Арагоне, и в Леоне, им нельзя было ссориться ни с кем. В период борьбы с маврами это было намного проще... Впрочем, были и свои выгоды – если сумеешь построить правильно переговоры, то обе стороны будут принимать тебя за своего.

Перед отъездом в Рим Энрико заехал к императору. Тот «хороший подарок», который Фридрих приготовил тестю, приносил теперь свои плоды.

На следующее утро после свадьбы новобрачный пригласил тестя на разговор. Тот решил, что речь пойдет о крестовом походе:

- Ну, и когда в путь? - спросил он весело.
- Как только решу одну маленькую проблему.
- Какую? Молодую жену жаль покидать?
- Нет, с женой я как-нибудь разберусь, не впервой. У меня к ее отцу вопросы.

Джованни насторожился:

- Так вроде все решили...
- А я вот подумал в брачную ночь и понял, что нет мне резона ради твоей короны жизнью рисковать. Вот если бы она была моя...
- Так она и будет твоя! Иоланта же наследница престола.
- А где гарантии, что она тебя переживет? Ты старичок бодрый, вот молодую жену завел, еще 100 лет протянешь. А мои врачи твою дочь посмотрели – хилая она, гнилой фрукт ты мне подсунул. Она родов не переживет, а без наследника, сам знаешь, распри пойдут. Давай лучше ты мне прямо сейчас корону передашь.
- С ума сошел? А мне куда?
- Да не волнуйся ты так: будешь себе править в Иерусалиме как мой наместник. Без моей помощи тебе короны не видать, а я и без тебя обойдусь. Подумай сам...

Ди Бриенна уехал думать. Энрико отчасти сочувствовал Фридриху – брак действительно таил в себе реальные опасности и не очень реальные выгоды, император это тотчас понял.

Он слышал, что год назад тот отправился было в крестовый поход, но почувствовал себя плохо и вернулся. Папа не счел предлог убедительным и отлучил его от церкви. Гвевара застал Фридриха вполне здоровым, хотя и озабоченным.

- А, все в порядке, - ответил он на вопрос о самочувствии. – На самом деле это жена заболела. И кажется, весьма серьезно. Лучше я потом организую поход, когда она поправится. Если поправится. Она к тому же беременна, врачи говорят, что родов она не перенесет. Да и Бог бы с ней, лишь бы ребенок выжил.

Энрико понял задумку императора, но решил пока не затрагивать эту тему.

- А у меня новости, _ сказал он Фридриху.

- Нашел? – сразу же спросил тот.

- Нашел!

- Рассказывай!

- Вам, конечно, известно, что король Леона Альфонс IX решил глубоко раскаяться в том, что отказался в свое время участвовать в крестовом походе, и теперь всячески заглаживает свою «вину».

- Знаю, воюет с мусульманами в Андалузии. А мог бы и теперь принять участие в походе.

- Ему 57 лет, только обузой стал бы. Но не в этом дело. Поскольку он уже не молод и не слишком здоров, а в бой рвется как молодой бычок, его дети весьма обеспокоены, особенно дочери Санча и Дульсия.

- Там какая-то очень запутанная семейная ситуация, насколько я знаю.

- Еще бы! Вся беда в том, что на Иберийском полуострове слишком много королей и все они между собой родственники. Поэтому сначала Альфонсо женился на своей кузине Терезе португальской. Папа этот брак не признал по причине близкого родства супругов и отлучил от причастия граждан Леона. Но пока суть да дело прошло 7 лет и успело родиться трое детей – Санча, Дульсия и Фердинандо, назовем его для простоты Старшим. Правда, еще до официального расторжения брака Альфонсо женился на еще одной кузине, Беренгере Кастильской, сестре короля Кастилии. У нее это тоже был второй брак, и первый тоже еще не был расторгнут. А Тереза ушла в монастырь.

- Весело там у вас! А еще про меня что-то говорят!

- И этот брак церковь не признала и по той же причине. От этого брака родилось аж пять детей, а Беренгера тоже ушла в монастырь. Но потом умер король Кастилии, ему наследовала его сестра Беренгера, которая, будучи монахиней, отреклась от

престола в пользу своего сына Фердинанда, которого назовем Младшим. Тот сразу же оставил отца, Альфонса, и перебрался в Кастилью, где никто не ставил под сомнение законность его рождения.

- Это они там перемудрили – если сын законный, то и его отец законный муж и, следовательно, наследник престола.
- Вот и Альфонсо так решил, тем более, что он был еще и племянником почившего короля. Началась война отца и сына. Но тут вмешалась Беренгера и уговорила своего бывшего мужа отказаться от войны в Кастилье в обмен на отказ Фердинанда Младшего от наследования королевства Леон.
- Ну, для Фердинанда это было разумно – он ведь от второго брака, а там от первого тоже дети были.
- Сын от первого брака, Фердинанд Старший, умер 14 лет назад, но остались две его сестры плюс сестры Фердинанда Младшего Кастильского, одна из которых, опять-таки Беренгера, Ваша родственница – она третья жена Джованни ди Бренна, та самая, на которой он женился после смерти армянской принцессы. Плюс еще с десятков внебрачных детей.
- Нет, ну каков! Мне есть с кого брать пример! – Гвевара был в курсе походов Фридриха и сомневался, что Альфонсо мог бы его чему-нибудь научить.
- Кстати, и Фердинанд Младший с Вами в родстве – он женат на Елизавете, дочери Филиппа Швабского, Вашего дяди.
-

- Вот уж истинный пример опасности династических игр, - невесело усмехнулся Фридрих, вспомнив трагическую смерть Филиппа, известную ему по семейной хронике. – Как тут не подумать о крестовом походе? Беренгера, Елизавета, Иоланта... все в одном клубке... Вот если Иоланта умрет, а ребенок выживет, я смогу наследовать корону Иерусалима как опекун ее наследника, а пока она жива, я всего лишь ее муж. А жены приходят и уходят, как показывает пример Альфонсо...

Гвевара понял, что был прав в своей догадке – император специально затягивает начало крестового похода, ожидая смерти Иоланты. Он решил не поддерживать эту тему – откровенность монархов бывает опасной. Поэтому он сказал:

- Итак, имеем назревающий конфликт между потенциальными наследниками Альфонса.
- А нам-то что с того?
- Тереза и две ее дочери весьма обеспокоены. После смерти Альфонсо должна бы наследовать Дульсия, она старшая из детей, но им совершенно не на кого опереться, в то время, как у Фердинанда Младшего есть Кастилья, которая совсем не прочь присоединить Леон.
- И сестры могли бы опереться на калатрава... Неплохо задумано. А папа-то на это пойдет? Странно все же, что три женщины хлопочут о мужском монастыре.
- Уговорю. Работа у меня такая, - улыбнулся Энрико.

И уговорил.

1235 год

Он чувствовал себя очень усталым. Не только – и не столько – физически, хотя путешествие и выдалось утомительным, сколько истощенным нервно и утомленным душевно.

Стоя на покачивающейся палубе он предавался невеселым мыслям. Прошло ровно 135 лет с тех пор, как его предок, Педро Ладрон де Гевара, покинул Святую землю и вернулся из крестового похода. А теперь он, Энрико Ладрон де Гевара, плывет в Иерусалим и тоже используя только первую часть своей фамилии, как поступали все Гевара, когда действовали не по поручению короля.

135 лет... Как многое изменилось! Сколько надежд разбилось, сколько замыслов не сбылось... Он был свидетелем этому последние 55 лет. Громкий успех – и разочарование, победа и затем поражение... Как качели от эйфории к унынию. Свадьбы и смерти, смерти и свадьбы.

О нем писали многие историки и литераторы, один из них даже составил его биографию, начав с легендарного Санчо Гевара, первого Ладрона.

Энрико очень гордился тем, что его уважали не только «свои», но и противники. Хотя это далеко не всегда давалось легко.

В Испании все, вроде бы, шло хорошо, она почти полностью освобождена от мавров, и теперь на первый план вышли внутренние раздоры. Альфонсо умер пять лет назад, совершая паломничество в Сантьяго ди Кампостелла, Фердинанд Младший откупился от сводных сестер, и дело кончилось миром.

Орден Калатрава потерял свое изначальное призвание – освобождение Калатравы и всей Испании от мавров – и плавно перешел от чисто военной деятельности к дипломатической, ввязываясь время от времени в междоусобицы. Это Гевара совсем не нравилось: доблестные рыцари постепенно превращались в простых наемников. Монастыри и центры в Пулии перестали готовить воинов и стали играть роль посредников в переговорах. Лет пять назад, когда Фридрих конфисковал имущество тамплиеров, Энрико забеспокоился, но оказалось, зря. Просто император не любил тех, кто был богаче него. Энрико усмехнулся. Калатрава тоже не был нищенствующим орденом, но у него хватало ума этого не демонстрировать.

А шесть лет назад в Матере набрала силу женская община валлевердианок – тех самых, возникших когда-то в Аккре. Черная

Мадонна лимба была для Гвевара знаком вольномыслия, символом божественной справедливости и даже привлекательности царствия небесного: рай, состоящий из одних христиан, даже без птиц и собак, ему не нравился. Вот и Фридриху, похоже, тоже – как бы он там был счастлив без своей любимой соколиной охоты? Гвевара усмехнулся забавному парадоксу.

Но сейчас мысли стареющего дипломата были заняты Иерусалимом. Став практически другом и советником императора Фридриха, Энрико последние годы посвятил его проблемам. На его горизонте появилась фигура Джованни ди Бриенна. Не то, чтобы он не знал о нем, но раньше его проблемы были далеки от интересов Гвевара. И вот теперь Энрико сопровождает императора в Иерусалим.

Судьба Джованни ди Бриенна представляла собой странную смесь судеб его современников. Получив «подарок» от зятя и так и не найдя поддержки у других, он бросился к папе. Но в 1228 году родами умерла Иоланта, оставив, к счастью, наследника, Конрада. Вот тогда Фридрих и отправился в крестовый поход. Джованни он с собой не взял и провозгласил себя королем Иерусалима и достигнув соглашения с султаном Египта аль-Камилем о передаче под опеку христиан Вифлеема, Назарета и Иерусалима. В Храме Гроба Господня император возложил на свою голову корону короля Иерусалимского.

- Нет, ну что он себе позволяет? – исходил гневом понтифик. – Его нужно остановить. Вот что, Бриенна, отправляйся-ка ты в Сицилийское королевство и возглавь там недовольных баронов: Фридрих много кому поперек горла встал. Пока его нет, они с готовностью нас поддержат. Главное – успеть захватить Конрада. Когда наследник будет у нас в руках, можно будет разыгрывать партию.

Но вот чего папа не учел, так это редкостного умения императора предвидеть развитие событий. Да и калатрава, которые во множестве остались в Сицилии, женившись и обосновавшись, совершенно не причисляли себя к местным баронам и вовремя просигналили Фридриху о надвигающейся опасности. Он успел внезапно вернуться и отогнать бывшего тестя.

2

И вот теперь наступил финальный акт этой истории.

На палубу вышел император. Он был сумрачен и казался тоже очень усталым. У обоих не было настроения болтать.

Хмурость Фридриха была понятна. Его сын, Генрих VII, возглавил мятеж против императора.

- Отчасти я его понимаю – наследства уже очень хочется, а я еще относительно молод, - заговорил император без всякого вступления. Но Энрико понял, о чем он. – но, с другой стороны, мятеж-то зачем затевать, людей на смерть вести. Строил бы лучше, чем разрушать...
- А какой у него выход? В этом неисцелимая язва наследства. Если сын любит отца, он должен желать ему долгой жизни, но чем дольше живет отец, тем меньше времени остается у сына на воплощение своих планов, своих надежд... Замкнутый круг. Единственный выход – отдать все сыну и уйти в монастырь...
- Ну, это ты загнул. Во-первых, я к монастырской жизни вовсе не приспособлен, вот, как ты знаешь, опять к свадьбе готовлюсь. Да и не выход это вовсе. Кроме отца есть еще братья, сестры... Их часть наследства тоже может показаться весьма привлекательной. Или я должен все отдать одному из них, а остальных пусть по миру нищими? А как же любовь? Могу же я кого-то любить, а кого-то – не очень.
- Стареешь ты, и император. Раньше я от тебя про любовь и не слышал. Неужто тебя Изабелла Английская так очаровала?
- Нет, что ты... императоры не женятся по любви... Но это не значит, что они никого не любят...

Энрико понимал, о чем говорит Фридрих. Несколько лет назад в жизни монарха появилась Бианка Ланчия. Ее происхождение никому толком не было известно, но на сей день она родила царственному любовнику уже трех детей. Правда, детей у него в общей сложности было десятка два, но, похоже, эта женщина нашла к нему ключик. Их сыну, Манфреду, было около трех лет, и Фридрих проводит с ним все свободное время. Энрико решил сменить тему.

- А твой бывший тесть чуть опять не женился.
- Я слышал что-то, но не вникал. На ком?
- На Санче, помнишь, дочь короля Леона и сама пару недель была королевой.
- Ну, Джованни сейчас не до новой жены. Стать императором Константинополя он сумел, а вот каково будет удержать трон...
- На этот раз он, кажется, удачно выдал замуж дочь. Хотя и сам еще былой мощи не потерял. Слышал, как он свою столицу отстоял?
- Слышал. Под 80 лет ему уже, а воинской доблести не растерял. Зря он все же в эти игры ввязался, ему как полководцу цены бы не было. И что хорошего принесла ему корона?..

У Энрико не было ответа.

Два усталых немолодых человека стали готовиться сойти на берег.

Глава 5. Донна Констанция

1408 год

1

Она металась по комнате в отчаянье. Потом все же села и начала подбирать аргументы для разговора с матерью. С отцом говорить было бесполезно, да он и слушать бы ее не стал.

Этот брак ставил крест на всех ее надеждах, он был просто ужасен. Нет, конечно, Констанца де Товар была хотя и юной, но вполне разумной

девушкой. Она понимала, что особых возможностей обрести счастливую брачную жизнь у нее не было. Но не до такой же степени!

Мать встретила ее со счастливой улыбкой и бросилась радостно обнимать:

- Девочка моя, вот ведь повезло! Есть Господь на небесах!
- Мама, я не хочу за него замуж, - твердо сказала дочь. Мать даже оторопела от неожиданности.
- Не хочешь замуж за дона Педро Гвевара, великого кавалера и ближайшего сподвижника короля? Ты, наверное, шутишь. Или у тебя горячка? Не пугай маму!
- Он старый, он похоронил уже жену и у него куча детей! Ему не жена нужна, а нянька!

Мать нахмурилась, потом заговорила резко:

- А ты о чем размышляла? О принце на белом коне? Ты подумала о том, что тебя ждет, если мы откажемся от этого великолепного предложения? Денег на приданное у нас нет, а без него кому ты нужна? Отдать тебя в монастырь тоже денег нет, там за содержание надо платить. Будешь сидеть дома и ублажать стареющих родителей! А ублажать твоего отца, скажу прямо, дело совсем не легкое. Так или иначе будешь нянькой, так не лучше ли в богатом доме, где слуг полно, чем здесь самой горшки выносить и слушать брюзгу-отца, считающего каждую крошку хлеба?

Глаза девушки наполнились слезами. Но она еще не сдалась. Мать хитро улыбнулась:

- А насчет того, что он старый, так не бойся, силенок обслужить тебя у него хватит, я с прислугой их поговорила, такого понаслушалась!.. Еще и детишки пойдут.
- Мама, я и о детях наших думаю! Если и впрямь родятся, что их ждет? Все наследство уже по старшим детям расписано, сестра его, Эльвира, тоже немалую долю в приданное получила, а моим детям что достанется?
- Ну, Гвевара все воины, все время в походах, глядишь, и убьют кого из старшеньких, а если уж никого не убьют, значит, пойдут служить, рыцари всегда нужны, особенно с такой славой, как у Гвевара.
- А если дочки родятся? Им на приданное что найдется?

- Что-нибудь да найдется, и потом, с такой семьей все рады породниться. И опять-таки, если и не выдадут их замуж, так хоть в монастырь приличный пристроят. Перестань слезы лить попусту: во-первых, отец и слушать тебя не станет, для него этот брак – честь великая, а во-вторых, все в руках Божьих, не загадывай ничего, бестолку это. Выбора у тебя все равно нет.

1412 год

Мать во многом оказалась права, думала Констанца, вышивая младенческий чепчик. В доме все делают слуги, старшие дети - кто уже взрослый, а с кем-то возятся специально нанятые воспитатели, так что она хозяйством особо не обременена. А уж мужу-то нянька и подавно не нужна! Вот, у Констанцы уже двое сыновей, Бернардино и Фернандо, и третий на подходе.

Педро ей стал очень близок. Прошла изначальная настороженность, и Констанца поняла, как ей повезло: муж совсем не походил на других вояк, которых она знала. Он умел быть нежным и галантным, писал чудесные стихи, был даже им знаменит, прекрасно пел, а уж пройтись с ним в танце было просто удовольствием.

А еще Констанца подружилась с его сестрой, Эльвирой. Может быть, «подружилась» - это не совсем точно, женщина была намного старше нее и практически годилась ей в матери, но отношения их были искренними и откровенными.

- Знаешь, я все думаю о судьбе наших сыновей, - говорила Констанца. – Что их ждет? Нищета?
- Ну, это ты преувеличиваешь, какое-нибудь содержание им старшие братья выделяют. Брат-то мой до их совершеннолетия почти наверняка не доживет. Конечно, идти в мир безотцовщиной – последнее дело, но фамилия у них славная, службу всегда себе найдут, на их век войн хватит. Да и Гвевара испокон века люди благородные, не бросят твоих детей сводные братья, не тревожься.
- А ты-то как? Ты ведь тоже не первая жена.
- Да, не первая, но я все же, извини, Гвевара, а не Товар. Все наследство Д'Авалос уйдет к его старшим сыновьям, это так, но Гвевара везде нужны. Я всем своим детям кроме старшего дала свое имя и отправила мальчишек на Мальту, там есть хорошая возможность для них основать правящую династию. Не королевскую, конечно, но тоже неплохо. Мой муж – славный

человек. Д'Авалос, кстати, в каком-то дальнем родстве с Гвевара, правда, уже никто не может объяснить, в каком. Рэй добрый и на него можно положиться. Вояка из него похуже, чем Гвевара, но мыслить он умеет.

1415 год

Ох, какую добрую службу сослужили эти разговоры! Если бы не они, Констанца не нашла бы в себе сил пережить этот страшный год. Зимой умерла Эльвира. Констанца как будто потеряла мать, а Педро смерть сестры просто сломила. Рэй тоже ходил как потерянный...

А в конце лета умер Педро. Констанца шла за гробом, с трудом неся свой уже огромный живот и держа на руках младшего сына, Иниго. Ее поддерживал Рэй.

Когда все вернулись домой, Констанца без сил села на диван. Она не могла даже говорить. Что теперь будет? С нею, с малышами, с этим еще не родившимся ребенком?..

Рэй, оставшийся с ней на правах родственника, тоже долго молчал, потом медленно произнес:

- Констанца, бери детей и переезжай ко мне. Мы оба потеряли двух самых близких нам людей. Вместе нам будет проще пережить это.

Женщина с недоумением подняла на него глаза:

- Как это – переезжай? На каком основании? И что скажут люди?
- А ты выходи за меня замуж.
- Какая же из меня жена – беременная?
- Я знаю, что ты любила Педро. Я тоже любил Эльвиру, нам обоим сейчас не до новых свадеб. Но детей Педро и племянников Эльвиры ведь нужно вырастить, а одного так даже еще родить. Вот этим мы и займемся. Так будет легче пережить горе.

Эльвира была права. Рэй добрый. А Констанце действительно некуда было деться. К родителям? Так ее там и ждут с четырьмя детьми. Остаться в доме Педро? Тут его старший сын, новый хозяин, со своей женой и ребенком. Конечно, он ее не прогонит, но и особо заниматься младшими братьями не станет. А ведь мальчишек еще надо вырастить и куда-то пристроить...

Так Констанца, вдова Гвевара, стала женой Д'Авалос.

1442 год

Смерть Рэя застала Констанцу уже с 7 детьми. Три сына, Бернардино, Фердинандо и Иниго, и дочь Тереза – Гевара и два сына, Альфонсо и Иниго, – Д'Авалос. Не стоит рассказывать, каких трудов стоило ей вырастить их: когда Рэй умер, старшему из них было 13 лет... Но теперь пришла пора им искать свое место в жизни.

На семейный совет собрались все родственники, а это были два старших брата Гевара. Старшие сыновья Рэя давно уже обосновались на Мальте и потеряли связь со третьей женой их отца. Да они ее почти что не знали.

- Самое разумное – отправить всех в Неаполь, там сейчас королю нужны хорошие воины. И там командует наш дядя Белтран. Он, правда, носит имя не Гевара, а Айала, поскольку получил наследство матери, но от племянников он не откажется, - размышляли братья.
- Всех – на войну? – в ужасе спросила Констанца. – Ну хоть одного мне оставьте! Их же убьют!
- Ну, всех не убьют, - философски заметил один из пасынков, Бельтран.
- Что им здесь делать? Я не могу их вечно содержать, - сказал Педро, старший из братьев и наследник. - А этих Авалос так и не обязан. И потом Бернардино тоже уже там, он как рыцарь ордена Монтезы уже вполне освоился и неплохо устроился. Сколько лет он в Неаполе?
- Ему было всего 15, в 1423 году.
- Вот видишь, жив-здоров и сделал неплохую карьеру. Да и нечего тут обсуждать – нет другого выхода. К тому же нужно исполнить последний завет нашего предка – вернуться в Вибинум. Бельтрану это пока не удалось.

Братья ожидали решения семейного совета с нетерпением, но реагировали на новости по-разному. Они и были очень разными. Авалосы – более спокойные, стали просто готовиться к отъезду. Иниго – истинный Гевара, был уже весь в сражении. Фердинандо – бунтарь, весь кипел.

- Я не письмо, чтоб меня посылать, я сам найду свою судьбу. И вообще мне воевать не нравится.
- Потому что ты трус! – возмутился Иниго.

- Он не трус, - вступилась за него мать. – о нем даже синьор Сервантес писал, о его храбрости!
- Сервантес! – презрительно скривил губы Иниго. - Он предатель! Так изобразить доблестного рыцаря! Он сравнивал с землей наши идеалы. Мы призваны помогать королю.
- Королей на свете пруд пруди, какому-нибудь чем-нибудь да помогу, но жизнью жертвовать не стану! Есть много других способов служить родине!

Дело кончилось тем, что Фердинандо ушел из дома и надолго исчез. Остальные направились в Италию...

Глава 6. Дон Пьетро

1465 год

В голове у юноши царил сумбур. До его свадьбы оставались сутки, но Пьетро ди Гвевара все еще не был к ней готов.

Отец Пьетро погиб, сражаясь за интересы короля Альфонсо против местных баронов. Пьетро с детства слышал о верности королю, о

великих предках, о знатных сражениях. Хотя он был каким-то неправильным Гвевара. Он не любил воевать, предпочитал книги и мечтал о путешествиях – о простых путешествиях, не завоевательных походах. Слушая рассказы Иниго, своего отца, о его дяде-отщепенце Фердинандо, Пьетро страстно завидовал ему, а когда тот на старости лет все же добрался до Неаполя, сутки напролет проводил в его компании.

Двоюродный дед и впрямь был неординарной личностью. Наблюдательный, остроумный, он разил языком так, как его братья – шпагой. Он мог бы стать великим поэтом, но ленился записывать свои вирши – да что там, он их просто не запоминал. К счастью, при дворе короля Альфонсо были в чести поэтические дуэли, в которых участвовал – и непременно – Фердинанд: некоторые из них присутствовавшие записали. За короля выступали обычно признанные поэты, но Фердинандо регулярно выходил победителем в этих баталиях.

Нет, нельзя сказать, что другие Гвевара были простыми вояками, Иниго, например, прекрасно пел и танцевал, слыл знатоком музыки. Но вот с юмором, а главное – со способностью пошутить над королем у него было неважно.

Все изменилось, когда в 1462 году погиб Иниго. Опекать его вдову и детей взялся Пирро дель Бальцо, который воевал с ним плечом к плечу в последней битве. Пирро был племянником королевы, и это успокаивало юного Пьетро. Правда, он уже понял – и в частности, на примере Пирро, что родственные связи не многого стоят, когда речь идет о власти и богатстве. Пирро был изгнан из своего княжества своим двоюродным дедом...

И вот завтра Пьетро женится на дочери Пирро, Изотте Дженовре...

1487 год

Как хорошо, что отец заставил его отправиться в Испанию. Иначе он тоже мог бы оказаться втянутым в эту бессмысленную историю. Фердинандо и так вынужден постоянно открещиваться от отца. Прости, папа, думал он каждый раз, произнося:

- Нет- нет, что вы, я не имею никакого отношения ни к Пьетро, ни к другим заговорщикам. Я внук Фердинандо Гвевара – меня и называли в его честь.

Вот последнее было правдой.

Это не довело его отца до добра... Очарование личности бунтаря и бродяги стоило ему жизни, но – может быть, спасло его сына.

Фердинанд-внук знал только по слухам о заговоре баронов. И были вещи, которые он не мог себе объяснить. Почему отец, никогда не имевший ничего против короля, вдруг чуть ли не возглавил заговор?

Весной 1485 года крупнейшие бароны собрались на свадьбу Караччоло с представительницей семьи Сансеверино. То ли Пьетро слишком много выпил, то ли, будучи самым молодым среди приглашенных, хотел проявить себя, то ли и то, и другое, но он произнес страстную речь:

- Король нас ненавидит! Он делает все, чтобы стереть нас с лица земли! – На самом деле Пьетро не так давно получил право говорить «мы» баронам: конечно, после гибели отца король дал ему маркизат, но только женившись на дочери Пирро он вошел в круг «сильнейших». – А мы как курицы покорно ожидаем, пока нам отрубят головы!

Наверное бароны тоже много выпили, потому что они очень оскорбились на куриц и загомонили:

- Да еще и суп из нас сварит!
- Смерть тирану!
- Э, нет, это не выход, - продолжал Пьетро. – на трон взойдет его сыночек, Альфонсо, а ему мы цену знаем!
- Еще бы! Он еще с 1462 года – цепной пес сначала деда, теперь отца! А ведь всего 14 лет ему было! А теперь заматерел.

При этих словах тестя Пьетро слегка протрезвел: Альфонсо бился в том же сражении, в котором погиб его отец, Иниго Гвевара, и он совсем не воспринимал его как врага. Он хотел было перевести разговор в другое русло. Но бароны уже вошли в раж и кричали, перебивая друг друга:

- Кружит повсюду на коне с метлой в руках!
- Вымести всех хочет!
- Порядок, видите ли, навести хочет!
- Сами мы с ними не справимся, пробовали уже...
- На помощь надо звать – папу, венецианцев, еще кого...
- Сейчас все и решим! Ты, Пьетро, отправишься к понтифику. Ты молод, не успел еще никакую мозоль ему отдавить, да и через свою испанскую родню подходы сумеешь найти!

Пьетро пытался отказаться, но не сумел – все были возбуждены и не желали слушать разумных доводов.

Все лето Пьетро пытался лавировать между королем и баронами. Долгие вечера проводили они с тестем в попытках найти выход. Дочь Пирро и сестра жены Пьетро, Изабелла, была обручена с сыном короля Франческо. Таким родством не бросаются! Но и ссориться с баронами было опасно, тем более, что Пьетро оказался чуть ли не организатором заговора.

В августе король пригласил тестя и зятя обсудить вопросы приданного.

- Я готов отдать вам Акри и 6000 дукатов в обмен на отказ вашей жены от ее доли наследства, - сказал он Пьетро. – Это вполне достойное предложение, если учесть, что все это вы получите сейчас, а наследства еще надо ждать и неизвестно, сколько.
- Это верно. И я искренне желаю тестю долгих лет жизни.
- Но есть одна проблема. Я не хочу обогащать потенциальных врагов, - продолжал король. – Вы оба должны вернуться в Неаполь в сентябре и предъявить мне доказательства вашей верности.

Мужчины с поклоном вышли. Но конечно, они не вернулись в сентябре. Пирро попытался расширить свои владения, а Пьетро укрыл у себя солдат, посланных папой. Вернее, это его жена укрыла, он сам в это время договаривался с королем о браке ее сестры с его младшим сыном и, естественно, ничего не знал о «проделках» супруги...

2

Фердинанд не мог объяснить себе такое поведение отца. Пьетро был просвещенным правителем, он создал богатую библиотеку, занимался усовершенствованием сельского хозяйства, писал стихи и вообще слыл щедрым и умным человеком. В течение 35 лет своей жизни он не демонстрировал ни двуличности, ни лукавства, ни склонности к предательству. Может быть, обретенное богатство ударило ему в голову?

Гвевара не были особо богаты – те, которых знал Пьетро. Ни его отец, ни его дед, ни его прабабушка. Богатство прадедушки их не коснулось, он умер, когда дед был еще маленьким. Да, все они получали земли и деньги от короля, но эти дары были оплачены кровью. Из четырех сводных братьев Гвевара и Авалос трое погибли в бою...

А может быть, он боялся могущественных баронов. Сказав неосторожные фразы, он отрезал себе путь назад. И потом приветствовал короля, целуя ему руки и ноги и готовясь захватить в заложники его младшего сына и своего будущего зятя...

Все это, конечно, плохо кончилось. Не получив поддержки ни от папы, ни от венецианцев, ни от других заговорщиков, Пьетро был осажден в своей крепости вместе с женой, захвачен, а в сентябре 1486 года приговорен к смерти. Пирро, выдав дочь замуж за сына короля и попытавшись помириться с монархом, был арестован в июле 1487 года и заключен в тюрьму, откуда вряд ли выйдет. Но перед этим король пригласил уцелевших баронов на свадьбу сына. Оттуда живыми они уже не вышли.

Все имущество заговорщиков было конфисковано, и вот теперь Фердинандо Гвевара, чудом уцелевший, был практически нищим. Искать поддержки у испанских родственников было бесполезно: они-то знали, чей он сын, и не собирались укрывать потомка предателя, пошедшего против короля... К военной службе он пристрастия не имел, да и для нее клеймо сына предателя было несмываемым.

Тогда юноша решил последовать зову сердца и примеру своего двоюродного деда и тезки: отправиться в путешествие, и по возможности дальнее.

1499 год

Дон Фердинандо Гвевара сидел в тюрьме. Конечно, назвать бамбуковую хижину тюрьмой было сложно, но за ее стенами кружили вооруженные

стражники. Так что оставалось лежать на соломенной подстилке и думать, и вспоминать.

Оставшись без всякой поддержки, юноша прибился к рыцарям ордена Монтеза. Он знал о том, что один из его предков, Белтран, пришел в Неаполь именно с ними.

- Ты – его потомок? – спросил магистр.
- Не знаю, - честно ответил Фердинандо, - Гвевара в Неаполе так много, и так много тезок, что уже никто ничего не понимает. Кажется, он был дядей моего прадедушки... Но я не уверен.
- Что тебя привело к нам?
- Мой отец предал короля, - юноша решил не лукавить. – Его имущество конфисковано, а сам он казнен.
- Как ты уцелел?
- Был у родственников в Испании.
- Чего ты от нас хочешь?
- Быть нужным. Хоть кому-нибудь, хоть зачем-нибудь.
- Ты хороший воин?
- Не думаю. И мне не нравится воевать.
- Ты склонен к дипломатической службе, знаешь языки?
- Языки знаю, но лукавить и врать не люблю, а без этого какой же дипломат...
- А что ты любишь?
- Читать. И путешествовать.
- Молчать о прочитанном умеешь?
- Это – да. И думать тоже.
- Вот это лишнее, - наконец улыбнулся магистр.

Так Фердинандо стал библиотекарем и архивистом ордена. Монтеза унаследовала испанское имущество тамплиеров вместе с их документами, и теперь, спустя более, чем 150 лет, пришло время их разобрать.

День за днем юноша погружался в выцветшие от времени строки... Перед ним открывался целый мир, практически никому неизвестный. Тамплиеры были одним из самых таинственных орденов, но и одним из самых известных. Это их и погубило...

Однажды магистр привел в архив высокого худого человека с аристократически удлиненным лицом и орлиным носом. Он не представил его, а просто велел Фердинандо:

- Покажи гостю папку с картами.

- Я еще не успел ее разобрать полностью, там есть карты мест, которые я никак не могу найти ни в какой стране.
- Вот их и покажи.

Юноша заметил, как у гостя загорелись глаза и затрепетали от нетерпения ноздри.

Теперь все дни они проводили вдвоем. Гость был предельно молчалив, за все время он не произнес и десятка слов, но иногда Фердинандо ловил на себе его пристальный взгляд.

А ему очень нравилось наблюдать, как гость работает с картами. Он их вертел, вглядывался в них, что-то подсчитывал, время от времени сверяясь со своими заметками, которые носил в потайном кармане на груди.

Через две недели в архив опять пришел магистр.

- Вы закончили? – обратился он к гостю.
- Почти. Думаю, завтра сумею полностью определиться.
- Ваша гипотеза подтвердилась?
- Абсолютно. Они там были.
- Что вы думаете о нашем архивисте?
- Да, пригоден.
- Завтра расскажите ему обо всем. И помните: вы видели здесь только те карты, которые вы видели.
- Понимаю.

Зато Фердинандо не понял ничего, кроме того, что завтра таинственный гость ему что-то расскажет. Всю ночь он не мог уснуть, строя самые фантастические предположения. Но реальность оказалась еще удивительней.

- Я – Христофор Колумб, рыцарь ордена Калатрава, - представился наконец гость. – Мы с тобой отправляемся прокладывать путь в Индию.
- На картах тамплиеров нет пути в Индию, я эту гипотезу проверял.
- Да, нету. Там есть путь совсем в другую страну, еще никому, кроме тамплиеров не известную. Но на экспедицию туда я не найду денег. Тебе это понятно? Ты должен молчать.
- Да. Но как же верность королю? Под чьим флагом мы пойдем?
- Под флагом калатравы. Ордену мы должны хранить верность. Ты на это согласен?
- Да. Один из моих предков участвовал в основании ордена. И в освобождении Калатравы.

- Знаю.

Так начался путь Фердинандо к тюрьме. Только тогда этого никто не предполагал.

2

Фердинандо лежал на соломенной подстилке и перебирал воспоминания. Он усмехнулся: их хватило бы на пожизненное заключение.

И все же из всех увиденных чудес его больше всего поразила Эспаньола. Еще во время первой экспедиции она вызвала в нем какие-то странные полу-воспоминания, полу-фантазии.

- Смотри, как эти холмы похоже на окрестности Калатравы, - говорил он Христофору. Сам он видел Калатраву во время своих посещений родственников.
- Ты прав, пожалуй. Только эти земли более зеленые.
- И вот тот холм на Вибинум смахивает.
- Про это ничего не скажу. А где это?
- В Неаполитанском королевстве. Один из моих предков завещал нам туда вернуться. Пока не удалось... Но отец возил меня туда посмотреть.
- А зачем он вам нужен?
- Не могу объяснить. Знаешь, в судьбе Гвевара как будто переплетаются три нити – Калатрава, Мадонна Валлеверде и Вибинум. Значение двух из них мне объяснял отец - Калатрава – это любовь, Валлеверде – это милосердие. А вот Вибинум – это пока тайна. Так ведь и завет пока не исполнен...
- Кстати, на карте тамплиеров есть такое название – Валлеверде.
- И где оно?
- На берегу вон той бухты...

А во время второй экспедиции Фердинандо решил остаться в Эспаньоле. В бухте, поблизости от Валлеверде, был основан город Сан Доминго. Но не это приковало к себе Фердинандо. Он нашел свою Мириам, свою Мадонну Валлеверде. На самом деле ее звали иначе, но он так и не научился правильно произносить ее певучее имя и звал ее Мириам.

Впервые он ее увидел в полутемной хижине в местной деревне. Она сидела на троне с высокой спинкой, сделанном из могучего пня, рядом с отцом, вождем племени. Смуглая, почти темнокожая, с огромными карими глазами, стройная и одновременно очень женственная... Фердинандо не мог отвести взгляд.

- Ты сошел с ума, - говорил ему Колумб. – Она же дикарка, даже не христианка! И вообще ты здесь один не выживешь.
- Почему один? Ты же оставишь гарнизон.
- Оставлю. Но неизвестно, когда я вернусь и вернусь ли вообще. А моряки без капитана звереют, ты с ними не справишься.
- Я не уеду, - твердо сказал Фердинандо, и Христофор понял, что уговаривать его бесполезно.

То, что произошло дальше, лучше было не вспоминать. После того, как Христофор покинул остров, пришла флотилия его брата, Бартоломе. Прибывшие моряки и члены оставленного Христофором гарнизона захватили корабли и отплыли в открытое море. Те, кто остался, разбрелись по острову, грабя, насилуя, убивая местных жителей.

Фердинандо Гвевара изо всех сил помогал Бартоломе сохранить хоть какой-то порядок, но все было бесполезно.

Вернувшийся Христофор тоже оказался бессилен. Колонисты подняли вооруженный мятеж.

- Не кипятись, их отчасти можно понять, - пытался успокоить Фердинанда Колумб. – Ну что им делать на этом острове? Землю обрабатывать? Так они не умеют, они моряки. Торговать? Чем? С кем? Горшки лепить, железо ковать? Так нет ни исходных материалов, ни приспособлений. И потом у них совсем другая психология: они не хотят зарабатывать, они хотят получать, они же захватчики, правильно?
- Тогда пусть твой корабельный священник обвенчает меня с Мириам, я увезу ее отсюда!
- Ты же знаешь, что это невозможно, она не христианка.
- Что же мне делать?
- Знаешь, я буду вынужден разделить землю между колонистами и позволить им обращать местных жителей в рабство. Возьми свою Мириам в рабыни.
- Только не это! Я женюсь на ней и увезу ее в Испанию!
- Учти, настаивать на этом опасно, это сочтут ересью! Лучше послушайся моего совета. Рабыня или нет – не так важно, главное, что вы будете вместе, а там, у себя дома, еще неизвестно, кто у кого под каблуком будет, - попытался свести разговор к шутке Колумб. Но Фердинанд шутку не принял...

Теперь, в душной бамбуковой тюрьме, он думал о том, как прав был его друг и капитан. Прав с практической точки зрения. Совершенно не прав

– с точки зрения любви. И все же... Нет больше его Мириам. Ее отец убил ее, когда за ней пришли, чтобы отвести в рабство прибывшему из Испании с неограниченными полномочиями Франсиско Бовадилье. Фердинандо арестован за ересь и ждет отправки в Испанию. Единственное, что утешало – в соседней хижине сидят братья Колумб... Он не станет обещать острову вернуться. Без его Мадонны он ему не нужен.

Глава 7. Дон Ферранте

1549 год

Господи, если в долине так холодно, каково будет в Бовино, думал он, стараясь держаться поближе к карете. Изредка он обменивался взглядом с принцессой. Казалось, она тоже не понимает, зачем едет в такой холод и в такую даль.

Принцессой была Изабелла Капуанская. В результате ее брака с Фердинандо Гонзага под власть супругов перешли многие земли. Теперь принцесса совершала инспекционную поездку. Ее муж был сейчас в Милане, а Изабелла занималась «семейными» делами.

Принцесса была бледна и явно плохо себя чувствовала – у нее болел живот. Но вчера Франческо Д'Аквино был так настойчив, что она согласилась заехать в Бовино и переночевать там.

Ферранте де Гвевара абсолютно не понимал этого страстного желания отца купить Бовино. Он слышал о какой-то легенде, что-то о завете их

предка, но поскольку он был младшим сыном Гевара ди Гевара, в детали его не посвящали.

Правда, он знал, что однажды традицию передавать завет старшему сыну был нарушен – и как! Его прапрабабушка была матерью младших сыновей Гевара и младших сыновей Авалос, и все ее дети отправились на войну в Италию. Пред их отъездом Констанца собрала всех сыновей и открыла им таинственный завет. Как ей, женщине, удалось вызнать его у первого мужа, неизвестно, но она решила, что ее дети имеют право знать о необходимости завладеть Бовино – и не только. В ее представлении там было нечто ценное – сокровище, богатство, неясно, но ведь зачем-то предок велел завладеть этим городом. А поскольку война – дело опасное, она решила открыть секрет и Гевара и Авалос, наказав им всеми силами поддерживать друг друга.

На сей момент смысл этого завета знали Гевара ди Гевара и Франческо д'Авалос. Последний сейчас скакал по другую сторону кареты и явно знал, зачем он это делает.

Снег валил крупными хлопьями, крутой подъем обледел, и лошади все время подскальзывались. Бовино предстал перед ними белым, холодным и пустым, только дым очагов пахнул вкусно и манил зайти, наконец, хоть в какое-нибудь помещение.

Они въехали во двор замка, где их ждал управляющий. Если честно, то замком эту постройку очень трудно было назвать – норманнская башня с небольшой пристройкой. Понятно, почему владельцы предпочитали жить в Неаполе.

Принцесса сильно устала, ее растрясло на сугробах, и она сразу же отправилась спать. А утром состоялся тот самый разговор, ради которого отец послал его в такую даль.

- Знаю-знаю, вы очень заинтересованы в этом городе. Что ж, я не буду протестовать против того, чтоб вы его купили. Но и способствовать не стану, сами решайте вопрос с владельцем, - сказала принцесса.
- Он противится, - Франческо пожал плечами.
- Тут ничем не могу помочь.
- А нельзя ли назначить младшего сына Гевара инспектором или смотрителем?
- Чужой собственности? Не вижу повода. Могу предложить ему возглавить защиту реки и моста.
- Да, благодарю. Как первый шаг это вполне приемлемо.

Ферранте понял, что решилась его судьба. Младший сын, он и не мог рассчитывать на большее. Хотя бы зарплату будет получать.

Принцесса сегодня чувствовала явно лучше и сразу же после беседы покинула Бовино. Ферранте и Франческо задержались.

- Я хочу объяснить тебе кое-что, - сказал Франческо. – Пойдем к кафедральному собору.

Они остановились перед порталом.

- Не замечаешь ничего странного? – спросил Франческо.
- Ну, за исключением того, что он весь какой-то косой, нет. У архитектора было явно плохо с глазомером.
- У него было очень хорошо с глазомером. Это не просто фасад, это рассказ.
- О чем?
- Я – не знаю, но есть те, кто умеет его читать.

Они подошли поближе к боковому порталу.

- Видишь этот крест? Это крест Калатрава. Мы – Гвевара и Авалос – должны завладеть теми местами, которые им помечены.

Ферранте вспомнил, как еще маленьким слышал споры между старшими Гвевара и Авалос. Они рассматривали какой-то список – судя по всему, древний:

- Так, это уже наше. Надо присмотреться к остальным местам.
- Но их слишком много! У нас не хватит денег и на половину! – возражал Франческо д'Авалос.
- Что-то постараемся взять в приданное, что-то попросим за хорошую службу. Постепенно справимся.
- Тут половину названий не разберешь...Кстати, Бовино в этом списке нет, ни Бовино, ни Вибинума.
- Что сможем, то и разберем, а Бовино – это завет предка, он к списку отношения не имеет. Список составили Калатрава, когда передавали имущество испанскому королю. Правда, передавали скорее формально – сын короля был магистром ордена.

Ферранте помнил также как после каждого приобретения старшие собирались и торжественно ставили крестик около названия полученного места. Некоторые из них были очень странными, например, монастырь в Трое. Ну вот зачем им монастырь? Затем они спорили по поводу Орсары.

- Орсару надо брать всю, это их сердце.

- Не спорю. Но о Бовино нельзя забывать. Если Орсара – их сердце, то Бовино – сокровенная душа.

Еще сводные братья договорились, что если Гвевара потеряют что-либо из списка, Авалос постараются занять их место и наоборот. Ферранте абсолютно не понимал смысла всей этой операции – многолетней и дорогостоящей – и искренне надеялся, что теперь Франческо хоть что-то объяснит.

Они завернули за угол собора и Авалос указал вверх:

- Видишь, маска? Это Бафомет, голова, которой поклонялись тамплиеры.
- А они-то причем?
- Они, можно сказать, старшие братья калатравы. На портале – крест калатравы, а за углом – маска тамплиеров, понимаешь?

Честно говоря, Ферранте не очень хорошо понимал. Все это были какие-то древние легенды, фантастические рассказы о мифических предках, а ему было холодно и хотелось домой. Франческо понял это:

- Это тамплиеры послужили образцом для рыцарей Калатрава. Но последние старались не демонстрировать свои связи с храмовниками, они в этот период уже чувствовали надвигавшуюся опасность: недаром Фридрих II конфисковал имущество тамплиеров. Но и отказываться от «родства» с могущественным орденом калатрава не хотели.
- Но нам-то что до этого?
- Ладно, давай двинемся в обратную дорогу. – Франческо почувствовал безразличие Ферранте к древним историям.

Они уже почти закончили спуск, когда Франческо повернул лошадь к не приметному святилищу. Они спешили и вошли. Сумрачный храм не выглядел очень уж гостеприимным, Мадонна казалась сосредоточенной на своем Младенце, а тот смотрел прямо перед собой требовательно и совсем не по-детски. «Чего Он от меня хочет?» - раздраженно подумал Ферранте.

- Это Мадонна Валлеверде. Вернее, это ее святилище. Статую-то привезли позже, когда калатрава окончательно его покинули и увезли свою икону – это было около 1350 года. – рассказывал Франческо.
- Места, где находятся ее святилища, мы тоже должны приобрести?
- Нет, это не обязательно. Просто в Бовино все совпало...

Ферранте все равно мало что понимал, но предпочел не вдаваться в расспросы. Зато вечером, когда они добрались до какой-то таверны и решили там заночевать, предварительно плотно поужинав, обильно запивая вином, Авалос сам пустился в объяснения:

- Беда в том, что мы и сами мало что знаем. Наша прапрабабушка то ли услышала мало что, то ли мало что поняла. Мы же принадлежим к младшим ветвям, нам вообще ничего знать не полагалось. Всего предок оставил три завета: освободить Калатраву, построить святилище Валлеверде и вернуться в Бовино. Два первых выполнили его сын и внук – отсюда пошли два наши девиза и два символа на гербе. Первый – Гвевара не отрекаются, любя, и на гербе – горящие сердца. Второй – не марают душу презрением и ненавистью, а на гербе – горностай: говорят, он скорее погибнет, чем испачкает свою белоснежную шубку. Правда, как это связано с Мадонной, прапрабабушка не поняла, но почитать ее никогда не вредно. Третий завет досталось исполнить нам. Зачем нужен Бовино, я не знаю, но прадед, наверное, знал...
- Такие усилия и такие деньги – и неизвестно зачем?
- Заветы оставляют для того, чтобы их исполнять. Не нам решать.

В глубине души Ферранте не был с этим согласен. Завет надлежало исполнять старшим в семье, а не тем, кто его получил, можно сказать, незаконно. Особенно не зная толком его смысла...

Глава 8. Монсеньор Ниньо

Год 1558

Его душа напоминала ему сейчас поле боя, на котором с невиданным ожесточением сталкивались прямо противоположные чувства. Здесь был и ужас, и отвращение, и раздражение, но и удовлетворение и даже радость и гордость. Поэтому выражение его лица и особенно глаз, напряженно всматривающихся туда, откуда должна появиться зловещая процессия, постоянно менялось, пока не застыло в какой-то странной, почти сардонической гримасе.

Епископ Ниньо де Гевара больше всего огорчало то, что все его чувства были какими-то горькими, как будто отравленными. Отравленными страхом. Он боялся и за Марину, и за Белтрана, и за себя. А страх никогда не входил в характеристику Гевара. Впрочем, за последние десятилетия он стал уже привычным чувством для почти всех жителей Испании. Но впервые это непосредственно коснулось одного из Гевара. Все началось ровно 80 лет назад, когда папа Сикст 4 дал королям Испании Фердинанду и Изабелле право самим назначать инквизиторов в их государстве, и с тех пор ограничивался тем, что утверждал их выбор. Вот тогда инквизиция практически перестала быть орудием защиты христианской веры и превратилась в орудие защиты королевских интересов, хотя и надевшее церковную личину. Именно поэтому, для того, чтобы оно могло настичь любого жителя полуострова, все они должны быть христианами.

Сначала вынудили креститься всех евреев. Потом дело дошло до мусульман.

В семье Гевара отношение к мусульманам было двойственное, но против их крещения они ничего не имели, даже наоборот. Вплоть до тех пор, пока не поняли скрытой цели этого обращения...

Так вся Испания стала христианской. Теперь инквизиции было чем заняться на благо благочестивых королей. Новообращенные были легкой добычей: путались в догмах, ошибались в молитвах... Евреи были уничтожены быстро. Лет 20 тому назад пришел черед мусульман. Однако складывалось впечатление, что процессы над ними велись скорее для того, чтобы инквизиция «не простаивала» - они не представляли собой серьезной опасности для королей, которые искали повод заняться испанскими баронами, никак не желавшими смириться с ограничением их власти и всячески сопротивлявшимися объединению пяти испанских королевств в единое государство.

Гевара это напрямую не касалось, у них были владения во всех пяти королевствах и их скорее устраивало объединение полуострова. Но... Сегодня пришел и их черед. «Вот упрямая старушка!» - Мысли епископа вернулись к тетушке Марине. – «Я сделал все, что мог» настойчиво твердил он своей сестре, но она не успокаивалась. «И вообще эта семейная страсть к образованным женщинам не доводит до добра! Отдали бы Марину в свое время в обычный монастырь – и вышивала бы она сейчас крестильные рубашечки! Так нет, дедушке понадобился

монастырь особый, куда брали только умеющих и любящих не только читать, но еще и думать!» Ниньо раздраженно фыркнул себе под нос.

Впрочем, он и сам понимал, что дело гораздо серьезней. В предыдущем процессе практически исчезла с лица земли целая семья, а ее владения серьезно обогатили королевскую чету. Все очевиднее становился тот факт, что властители, расправившись с политическими противниками, перешли к пополнению своей казны за счет имущества «еретиков». И владения Гвевара были лакомым кусочком. И их титулы – не защита. Стертая в ничто семья тоже была не только знатной, речь шла о королевском проповеднике, докторе Августине Казалли, его братьях и сестрах, их супругах... Правда, в их жилах текла кровь с еврейской примесью, а прямой предок заведовал королевскими финансами, что делало их приговор достаточно понятным. Хотя идея обвинить еврея в проповедовании трудов антисемита Лютера была полна скрытого черного юмора...

Тогда Гвевара еще не насторожились. Сегодня дело обстояло совершенно иначе. Главным обвиняемым был Карло де Сесо.

«Хорошо, что мало кто помнит, кем была его бабушка,» - Ниньо озабоченно вздохнул.

Мать веронца де Сесо – дочь Католины Гвевара-и-Авалос – тоже состояла в родстве с епископом, хотя и не очень близком.

«Нынешнее аутодафе еще торжественней прошлогоднего» - его внимание привлекла толпа, зашумевшая при появлении короля в сопровождении сына, сестры, принца Пармы, иностранных посланников, епископов и прочей знати.

Затем послышался нарастающий гул, сопровождающий приближение процессии. «О, Господи!» - содрогнулся Гвевара, разглядев две повозки, на одной из которых везли статую, а на второй – полуразложившийся труп женщины. Это было тело матери дона Августино и его братьев, выкопанное и доставленное на площадь для сожжения. Именно она, Элеонора ди Вибери, была, по мнению инквизиции, главной лютеранкой. Труп и статую выставили на помост. «Это уже мракобесие какое-то!» - подумал Ниньо, но тут его взгляд выхватил из процессии дона Карло с кляпом во рту. Он шагал решительно и энергично – насколько ему позволяли перенесенные пытки.

Затем епископ увидел Марину. Тетушка выглядела совсем дряхлой, но тоже держалась спокойно и уверенно. Ниньо вспомнил их встречу в тюрьме, куда его допустили в надежде, что он уговорит родственницу

дать показания против других подозреваемых. Беседа получилась сложной. Монахиня уже признала, что знакома с учением Лютера, но некоторые его положения не разделяла вообще, а в остальных же сомневалась. И была уверена, что совсем не делает ее еретичкой...

Епископ пытался надавить на нее, но она повторяла одну и ту же фразу: «Я не могу ничего добавить к сказанному, кроме лжи». Эти же слова произнес дон Августино де Казалли... Ниньо постарался разговорить тетюшку, отказавшись от уговоров:

- Что тебя привлекло в этом учении? – спросил он.
- Да ничего меня не привлекло! Просто глупо было не узнать что-то новое. Утверждение, что человек спасается верой, благодатью и Библией, кажется абсолютно верным и вполне каноничным. Ты возьмешься утверждать, что для спасения не нужна вера? Или благодать? Или Библия?
- Тогда почему ты засомневалась?
- Меня смущает одно-единственное слово – «только»... Можно ли достичь спасения только верой, благодатью и Библией?..
- Но без этого слова нет и ереси...
- Вот и я так считаю.
- Может, все же добавишь что-то к своим показаниям? Прочти хотя бы свидетельства против себя! Вдруг сумеешь что-то опровергнуть!
- Что именно? Что читала? Что думала? Что обсуждала? Не будь наивным, все уже предрешено...

Первых трех осужденных вывели на помост и привязали к столбам. Изо рта дон Карло вынули кляп в надежде на его исповедь, но он прокричал:

- Если бы у меня было время, я доказал бы вам, что вы губите себя, не подражая моему примеру. Спешите зажечь эти дрова, которые меня истребят!

Ниньо знал, что в тюрьме дон Карлос де Сесо, потребовав бумаги и чернил, написал свое исповедание, но полностью на лютеранский манер. Трудно изобразить страсть и энергию, с которыми он исписал два листа бумаги фактически в присутствии смерти, так что удивляться было нечему...

Заполыхали костры. Над площадью повис смрад. Епископ полуприкрыл глаза и постарался уйти в молитву. Он молился с отчаяньем и надеждой. «Не введи меня во искушение» - повторял он, между тем, как перед его мысленным взором мелькали страстное лицо дона Карло, спокойный взгляд Марины, корчащийся в огне труп Элеоноры – и жесткие, бесстрастные инквизиторы, удовлетворенный король, его 15-летний сын с выражением ужаса и отвращения... «Не введи меня во искушение...»

1561 год

- Дядюшка! – Ниньо поднялся из кресла навстречу входящему Белтрану. – Какими судьбами?
- Хотел поставить тебя в известность о моем решении. Боюсь, оно будет для тебя неожиданным.
- Слушаю тебя, - сказал епископ, и оба опустили в кресла.
- Я назначен инквизитором.
- О, Господи! И ты... ты согласился?
- Считаешь, что я мог отказаться? – саркастично усмехнулся Белтран.
- А сбежать? В Италию, Францию...
- Ты можешь себе представить, чем бы это кончилось для вас всех, для всех Гвевара? Или ты считаешь, что твой сан тебя защитит? Вспомни о Бартоломео де Карранца – он тоже был архиепископом.

Да, архиепископа с трудом вывезли в Рим и тем спасли, но вот его ученикам повезло сильно меньше. Мало кто из них избежал костра...

- Но все же церковь не должна посылать людей на смерть, - подумал вслух Ниньо.
- Ну, во-первых, всегда посылала, во-вторых, не людей, а врагов.
- Да не враги они – они же верят в Бога!
- Мусульмане тоже верят в Бога.
- Но эти верят в Христа – какие же они враги?
- Они враги церкви, а не Бога. А вообще-то ты не зарывайся! Представь себе, что все станут лютеранами – ты кем тогда работать станешь?

- Многие и не собираются разрушать церковь, просто думают. И трудно не думать, видя нынешнее священство. Думать – еще не преступление. Вспомни и ты Марину.
- Уже почти сто лет испанская инквизиция борется с врагами короля, а не церкви, если ты заметил. А их враги – совсем не обязательно еретики.
- Но ты-то священнослужитель! А тебе придется руки в крови мариать! Вот папа-то руки умыл!
- Тут вопрос стоит жестко: либо родную кровь проливать, либо чужую. Не трави мне душу, самому тяжело. Постараюсь хоть обеспечить справедливое расследование.
- Не сумеешь! Во-первых, не дадут, во-вторых, под пытками человек в чем хочешь признается. Все равно невинные страдают.
- Слушай, наш предок в крестовых походах тоже не мог разбираться в бою: вот этот Абдулла – враг, а вот Мустафа – хороший, просто Бога не встретил. Буду советовать к папе апеллировать, пусть не стоит в стороне.
- И все же я бы не смог... Стать инквизитором!..
- А ты не зарекайся! Господь любит ставить перед сложным выбором. Но не всех – Его крест всегда по силам, - только достойных.

1601 год

«Вот ведь напроорочил, старый хитрец!» - Ниньо сидел в кресле, стараясь не шевелиться. «Теперь и я – великий инквизитор... Хорошо младшим сыновьям – свободны как птицы, никакой тебе ответственности, могут строить свою жизнь в соответствии с собственными талантами и желаниями. Вот итальянские Гевара – вовремя покинули Испанию, ушли с королем Альфонсом в составе ордена Монтеза, уже тогда поняли, что пахнет жареным... А теперь заблокировали все попытки ввести инквизиционный трибунал в Неаполе – не одни, конечно, там и другие «младшенькие» не медлили. Устроили целую революцию, и королю пришлось ограничиться высылкой иудеев и мавров. Делают, что хотят. Первенцам тоже неплохо, о чем говорить. Ответственность, конечно, на них большая, но хоть свобода выбора есть. А вот у нас, вторых сыновьях, судьба совсем печальная. Сначала сдают в священники, как бы на хранение, на случай, если первенец умрет без наследника, чтоб было кому его место занять. Есть у тебя призвание, нет его – никого не

интересует. Одна надежда, что Господь по неведомой причине призывает именно вторых сыновей». Он постарался, чтобы горькая усмешка не исказила его губы. «А потом, когда у старшего брата рождается сын, ты вроде как уже и не нужен... Но и вернуться к мирской жизни не можешь – как же, это ведь скандал, пятно на родовом имени!» На самом деле Гвевара был в достаточной мере доволен своей судьбой: он имел возможность читать и думать, говорить с умными людьми (кроме самого себя), что, собственно, и придавало вкус его жизни. Вплоть до недавнего времени.

- Перерыв! – объявил Теотокополис, и Ниньо с удовольствием расслабил уставшие от неподвижности мышцы. И с еще большим удовольствием заговорил:
- Ох, и утомил ты меня, Доменикос из города Мадонны, - инквизитору нравилось звать художника так, переводя его труднопроизносимую фамилию, которого все остальные звали просто Эль Греко.
- Ничего, это усталость от трудов праведных – в отличие от всей остальной твоей деятельности. Мне тебя теперь опасаться надо – чего доброго, на костер пошлешь.
- И есть за что! – Ниньо выразительно обвел взглядом многочисленные книжные полки. – Да и другие грешки за тобой водятся. Живешь в арабском квартале, купил дом с дурной славой... есть в чем заподозрить... - Гвевара хитро подмигнул Эль Греко.
- Да ладно тебе, - художник добродушно махнул рукой, - у самого от книг шкафы ломаются.
- Мне можно, я должен уметь распознать врагов.
- Ой, не смей, врагов тебе король укажет. И как тебя угораздило?!
- Пришлось... королевская казна очень уж всерьез заинтересовалась нашими владениями, заказала своему нотариусу раскопать всю нашу генеалогию, законность приобретения земель. Тот ничего криминального не нашел... Теперь у короля один путь – подвести Иниго до Гвевара под инквизицию. Но с братом – великим инквизитором это сложно будет – уж слишком громкий скандал получится.
- Ладно, допивай кофе – и в кресло. Ты все еще уверен, что хочешь позировать в очках? Это пока как-то немодно.

- Да. Мы, Гвевара, - люди образованные, читатели и писатели. И гордимся этим. Вот и Иниго, вице-король, в очках изображен, и Бельтран, герцог. Очки – это как символ.
- И не боишься?..
- Боюсь. Но знаешь, что на нашем гербе изображено? Горностай. А чем знаменит горностай? Тем, что скорее умрет, чем запачкается.
- Ну, Бог тебе в помощь. Только вряд ли тебе удастся все нужные задницы обцеловать – и папские, и королевские. Где-нибудь да промахнешься. Хорошо, если живым отпустят...

Так оно и вышло.

Глава 9. Донна Дельфина

1563 год

Дельфина Гвевара, урожденная Лоффредо, ужаснулась, увидев, где ей предстоит жить. Неделю назад Франческо д'Авалос привез ей заключенный от ее имени контракт на покупку Бовино – таково было завещание ее мужа. И вот она здесь.

- Ну что я буду тут делать? – вопрошала она возмущенно Франческо. – дворца, считай, нет, парка или сада какого – тоже. Даже прислугу не наймешь, они – местные – дикие просто, безграмотные и к политесу не приученные. Ячто, должна слуг из Неаполя привозить?
- Зато здесь летом хорошо, прохладно, ветерок дует... - Франческо не знал, какие аргументы привести. – Детям раздолье.
- Дети, слава Богу, уже подросли, им учителя нужны. Где я их возьму?
- В монастырь можно послать – девочек, по крайней мере.
- Лавчонки приличной и то нет, все шпильки надо привозить. Нет, дружок, я останусь пока у родителей. Сын Джованни вступит в права – пусть решает, где ему жить и как.
- Хотя это, конечно, громко сказано – жить, он дома-то у себя не бывает. Вот и сейчас не смог приехать – губернатор Калабрии должность непростая, а ведь он еще молодой совсем, 24 года только исполнилось...

За ужином Дельфина разоткровенничалась:

- Гвевара умер в 1550 году, когда Джованни только 11 лет было. Перед самой смертью они долго запершись беседовали, да только я и так знаю, о чем. Об этом таинственном завете. Джованни, как только ему исполнилось 18 лет, женился, дети пошли, вроде и не рвался он в Бовино, но завещание-то есть... Отец велел. Ну ладно бы только купили этот город, так сын жить здесь решил.
- Зачем же это ему? Он, вроде, в Калабрии неплохо обосновался.
- Я пыталась выяснить. – Дельфина пожала плечами. - По-моему, он не очень хорошо понял, что ему отец рассказывал. Маленький ведь был еще. Решил, что здесь какое-то сокровище скрыто, которое предок оставил. Он путает завет и обет.
- Да, это разные вещи. Как завещать и обещать. – Франческо задумчиво наблюдал за игрой пламени в камине. -Но, знаешь, немудрено, что он мало что понял. Мы все сами плохо понимаем. Наша прапрабабка у прапрадеда секрет выпросила. А прапрадед поэт был, он ей все как легенду преподнес – так и смешались правда с вымыслом. А еще и она не все поняла и, похоже, тоже путала обет с заветом...
- Кстати, а старшие братья пытаются завет исполнить? – вдова была настроена агрессивно.

- В какой-то мере да, любой предлог используют, чтобы в Неаполь попасть, но пока выкупить Бовино не удавалось. Правда, не похоже, чтоб это было главной их целью.
- Знаешь, что я тебе скажу? Зря вы в это дело полезли. Не вам было исполнять завет, нечего и пыжиться. Да и времена совсем другие пошли. Старая Калатрава разрушилась, рыцари ордена в простых наемников превратились, про валле верде никто и не помнит ничего, а та легенда, что тут, в Бовино, рассказывают, вообще к Гвевара никакого отношения не имеет, даже статуя совсем другая, насколько я знаю. Та, настоящая, черная должна быть. Может, и Бовино – это не Вибинум.
- В каком смысле? – Франческо удивленно приподнял бровь.
- Сама не понимаю. Вроде как сменив имя, город потерял память о своем прошлом. Про Валлеверде уже говорили, а вот кафедральный собор: кто помнит, почему на нем бык? Каких только объяснений не придумали – что символ святого Луки, что в честь названия города, что как на городском гербе... А когда легенды выдумывают? Когда ничего не помнят. Вот святой епископ бовинский Марк – его во владениях моей семьи, в Тревиго, почитают. Так бовинцы о нем и не знают. Придумали себе какого-то Марка Лучерского, о котором в самой Лучере никто не слышал, и сделали его покровителем города. Наверное, раньше надо было завет исполнять. И не вам.
- А ведь в том, что ты говоришь, есть смысл... Может быть, завет – в возвращении памяти?... Только мне кажется, что это касается не города, а нас самих – Гвевара в первую очередь. Ведь что получилось в Неаполитанском королевстве? Сюда пришли самые младшие сыновья знатных семейств. А на образование младших всегда не хватает средств, да и родители часто умирают, когда те еще дети. Их готовят быть хорошими воинами, вкладывают в них благородные принципы – и только. Ты сравни Гвевара – вице-короля Неаполя и Гвевара «местных»: разница огромная – в образовании, кругозоре, умении управлять. А здесь эти младшенькие стали герцогами, маркизами, князьями и графами, о чем и мечтать не могли в Испании, но остались-то все теми же вояками... Они должны обрести самих себя и свою родовую память.
- Ты прав, пожалуй... Мой муж был очень хорошим человеком, честным и благородным, но вот чего-то, какой-то изюминки,

- какого-то изыска, если хочешь, в нем не хватало. – Дельфина сказала и смущенно запнулась, но Франческо понял и не обиделся.
- Да, как и во мне, а ведь мы уже не первое поколение, пришедшее из Испании. Наши прадеды поступили мудро, женившись на дочерях знатных местных семейств – пока они воевали, жены воспитывали детей, - но воспитывали-то в своих традициях, а не испанских. Теперь надо искать свои корни, возвращаться к себе.
 - Хорошо, пусть так, но Бовино-то при чем?
 - В какой-то мере его судьба похожа на судьбу младших Гневара: хороший город, «благородных кровей», только у его властителей вечно не хватало времени и средств на его «воспитание». Пока реально правили епископы, все было еще ничего, они, как правило, люди образованные и знатные, в родстве с властителями. А вот после швабов всем стало не до него... Ты говоришь: бовинцы дикие, ничего не помнят, читать-писать не умеют, так ведь этому кто-то научить должен, правда? Должен придти кто-то, кто вернет город к его корням...
 - Ну да, вот только этим мой сын еще не занимался, - Дельфина была настроена скептически. И Франческо ее понимал: Джованни самому еще предстоит понять, кто он и зачем он здесь.

Глава 10. Отец Сильван

1600 год

Новость буквально ошеломила его. Год назад, когда умерла мама, отец отнюдь не выглядел убитым горем. Мама, истощенная частыми родами, уже давно хворала, а появление на свет последнего сына доканало ее. И вот сегодня отец собрал своих приближённых, позвал и его и объявил, что уходит в монастырь и оставляет герцогство старшему сыну, то есть ему, Дону Джованни Гевара.

Присутствующие выслушали сообщение в почтительном молчании, а затем покинули зал, выразив предварительно почтение герцогу теперь уже бывшему и поздравления герцогу молодому. Женщины вздыхали, а одна обронила:

- Вот уж никогда бы не подумала, что он так любил жену...

Честно говоря, Джованни тоже так не подумал бы... Но сейчас его волновало другое. Ему только-только исполнилось 18 лет. Поскольку отец был еще достаточно молод, Джованни надеялся еще как минимум лет десять пожить в свое удовольствие князем Ариано, набираясь опыты вдали от отцовского надзора. Так было заведено: старший сын, а до его совершеннолетия старший из братьев герцога, правил в Ариано. И вот теперь... А что теперь, Джованни совершенно не понимал. Одно было ясно: ему предстоит срочно жениться (неженатый герцог - это нонсенс). Но кто же отправится в Ариано? Брат еще слишком юн...

Отец угадал его состояние.

- Не переживай, для тебя мало что изменится

Джованни в изумлении поднял на него глаза.

- Правда, жениться все же придется, да это дело не хитрое,- усмехнулся экс- герцог.- Ты сейчас вплоть до совершеннолетия брата отправишься в Ариано, заведешь семью, а брат подрастет - там посмотрим.

- А Б-бовино?- аж заикнулся от непонимания Джованни. - А м-монастырь?

- С Бовино я и без тебя справлюсь, а что касается монастыря - так построю пару келеек - мне и кузену Дидакусу. Из кельи тоже можно герцогством править.

- И епископ согласен? - спросил с сомнением юный герцог, зная о напряженных отношениях отца с епископом - ровесником и в некоем смысле конкурентом Иниго.

Отец зло и холодно усмехнулся:

- Этот не согласится - другого найдем. Тоже мне - синьор Бовино!

Вражда между отцом и Анджело Джустиниани началась давно, еще до переезда герцога Иниго с семьей из Калабрии, где он был губернатором, в свои новые владения. Купил он их, правда, раньше, но не мог оставить королевскую службу, да и дворца подобающего в Бовино не было. Дворца, впрочем, не было и сейчас, но лет 15 назад семья все же переехала. Иниго приехал с уже жестким намерением "построить" епископа. И причину этого совершенно не скрывал.

Следить за делами в герцогстве в свое отсутствие он поручил дяде и кузену. И однажды решил нанести им неожиданный визит - так, для контроля.

Дон Иниго приехал в город с небольшой свитой инкогнито и оставил коней на подступах к городским воротам. Они остановились перед

небольшой таверной, раздумывая, не стоит ли здесь перекусить и послушать местных сплетников, когда мимо прогрохотала роскошная карета, в которой сидел, развалившись, молодой человек, полуобняв смеющуюся женщину, а напротив них сидела пара постарше.

Трактирщик, стоявший в дверях, снял шляпу и перекрестился.

- Кто это? - поразился и нахмурился герцог.
- Синьор Бовино, - ответил трактирщик. - со своей синьорой.
- К-кто?!
- Ну, монсиньор. Епископ типа.
- С женой?!
- Ну, типа...

Ярости отца не было предела. С этого все и началось.

А вот Джованни Анджело нравился - язык не поворачивался называть его епископ, да он и не был им по сути.

Между ними даже сложились, в тайне от отца, приятельские отношения. Когда герцога не было в городе, Джованни заходил поболтать с Анджело и его подругой. Это были веселые и дружелюбные люди. Так юноша узнал историю "епископства" Анджело.

- Ты же, наверное, знаешь, что Тридентский собор ввел для епископов обязанность проживать в своих епархиях, покидая их не более, чем на 6 месяцев, разве что по прямому распоряжению папы. Так вот, для многих это был серьезный удар. Раньше-то все старались урвать себе побольше епархий, получать с них доход и тусоваться в Риме. Теперь этому пришел конец, пришлось выбирать, какую епархию за собой сохранить, а от каких придется отказаться. Но отказываться-то ой как не хочется! Вот те, у кого власти побольше, стали на свои места родственников пристраивать: те с "благодетелями" доходом делятся. А у меня в так называемых родственниках аж два кардинала - на всех епархий хватило.
- А почему "так называемых"?

И тут Анджело рассказал удивительную историю. Оказывается, Джустиниани - это не фамилия, а знак принадлежности к обществу, в некотором смысле тайному.

Все началось в 1339 г., когда Генуя испытывала глубокий финансовый кризис, несмотря на который должна была обновить свой флот: шла затяжная борьба с турками. В этот момент несколько генуэзцев взяли на себя формирование флотилии. Семь знатных горожан и 37 «простых» сумели оснастить 25 кораблей. Не только: 6.000 человек с лучшим

вооружением эпохи и одетые в одинаковую форму взошли на борт. Флот сразу же был послан защищать интересы Генуэзской республики в Черном море и у берегов Греции, которым угрожала монголо-татарская орда. Корабли достигли острова Хиос. Через пять лет остров Хиос и ближайшие к нему острова официально перешли под власть этой группы генуэзцев, назвавших себя «мадоннинями»: Генуя согласилась на это, поскольку не могла оплатить долги. Мадоннины владели островами почти 220 лет, с 1347 г. по 1566 г., когда архипелаг был окончательно завоеван турками. Они по-прежнему имели сильный флот и участвовали в морских битвах, но прославились также производством крепленного вина и шелка. Путешественников поражала красота дворцов и парков.

В 1362 г. двенадцать семей Хиоса основали в Генуе общество, члены которого теряли свои фамилии и становились Джустиниани. По генуэзским законам это общество было «гостиницей», потому что вокруг основного дворца – именно Джустиниани – дома были выкуплены членами общества, таким образом ему принадлежал целый квартал со своей церковью. В общей сложности к обществу принадлежало более 600 семей, и поскольку браки заключались почти всегда между членами общества, то все действительно чувствовали себя родственниками.

- Как видишь, я не племянник дядюшки кардинала, - усмехнулся Анджело. - И, в общем-то, не епископ. Я и священником-то пробыл пару дней. Правда, с решениями Тридентского собора знаком достаточно хорошо и свои обязанности стараюсь исполнять более или менее достойно...
- Но почему именно Джустиниани?
- По официальной версии – потому что дворец – центральная резиденция общества – раньше принадлежал какому-то Джустиниани. Но на самом деле идея была иной. Для того, чтобы быть родственниками, нужно иметь общих отца и мать. Наша общая мать – наша земля, Хиос. А отец... Был такой византийский император, Юстиниан, в седьмом веке. Дядя Юстиниана — Юстин в числе других иллирийских крестьян пешком пришел в Византий и нанялся на военную службу. Он быстро рос по службе, и уже в царствование Анастасия стал военачальником. Потом Юстин был назначен начальником дворцовой стражи. По смерти Анастасия в 518 году Юстину удалось сравнительно легко захватить власть, несмотря на

то, что имелось большое количество более богатых и влиятельных кандидатов. Непосредственно после избрания Юстина императором он назначил племянника начальником специального корпуса дворцовой стражи. Со временем здоровье императора ухудшалось. Чувствуя приближение смерти, Юстин назначил Юстиниана соправителем. Можно сказать «он был никем и стал всем»... Как мы, Джустиниани. Юстиниан считал своей обязанностью воссоздать Римскую империю, желая при этом, чтобы в государстве был один закон и одна вера. И эта идея тоже нам не чужда. Указом императора был полностью перестроен сгоревший собор Святой Софии в Константинополе, поражающий своей красотой и великолепием. Юстиниан считал, что какого религиозного направления придерживался император, такого же направления должны были придерживаться и его подданные. Он регулировал быт духовенства, замещал по своему усмотрению высшие иерархические должности, выступал в качестве посредника и судьи в клире, участвовал в догматических спорах и давал заключительное решение по спорным догматическим вопросам. Понимаешь, по сути это неправильно, когда у одного народа два начальника: они ведь могут принимать противоречащие друг другу решения, и возникнет хаос.

Этот выходец из темной массы провинциального крестьянства сумел твердо усвоить две грандиозные идеи: римскую идею всемирной монархии и христианскую идею царства Божия. Оружием намеревался он вернуть утерянные старые римские территории, затем — дать общий закон, которым обеспечено будет благосостояние жителей, наконец — утвердить веру, которая соединит все народы в поклонении единому истинному Богу. Ну, и наконец, он ввел почитание Мадонны, и это тоже нас с ним роднит.

- Невероятно интересно! – Джованни был поражен услышанной историей. – Только я не понимаю, зачем тогда вы идете в кардиналы, епископы...
- Так неважно, какая голова из двух будет править! Главное, чтоб она была одна. Мы и епархии себе подбираем, где синьоры либо редко бывают, либо слабы. Вот только с твоим отцом промахнулись...

Голос отца вернул Джованни из мира воспоминаний.

- Поговорим теперь о твоей невесте. Ты присмотрел себе кого-нибудь?

Тюрьма Джованни не нравилась. Здесь было скучно, хотя охранники были полны почтения и приносили вполне сносную еду из соседнего трактира. Но заняться было абсолютно нечем. Вот почему герцог страшно обрадовался, когда ему доложили о визите Паоло Толозы, епископа Бовино. Джованни не был с ним близко знаком - мало того, что герцог нечасто бывал в Бовино, так и епископ там почти не появлялся: сначала отправился нунцием в Турин, а вернувшись почти все время проводил в Неаполе. Но симпатий к нему Джованни явно не испытывал: жесткий, хитрый, Толоза был полной противоположностью своему предшественнику.

Только одно смущало Джованни: герб Толозы был поразительно похож на герб Джустиниани. Неужели и он имеет отношение к этому странному обществу? Или к Калатрава?.. в конце концов, в один из своих ризидов, он напрямую спросил епископа.

- Нет, к Джустиниани я отношения не имею и в ордене Калатрава не состою. А герб – семейный.
- Не слышал я что-то о знатной семье Толоза.., - с сомнением произнес Джованни.
- А кто тебе сказал, что моя семья зовется «Толоза»? сам должен бы знать, что фамилии часто даются иностранцам по месту происхождения. Вот есть у вас в Бовино семья Болоньезе – так она вообще-то ветвь болонской семьи Франьяте.
- Ну, и как же твоя фамилия?
- Толоза я, Паоло Толоза. А вот про связи с Джустиниани ты лучше к отцу своему обратись: он, похоже, к идеям императора Юстиниана очень хорошо относится!

На том разговор и закончился. Джованни не очень понял смысл последних слов епископа. И вот теперь...

Он вошел уверенной походкой, перекрестил помещение и уселся на табурет.

- Какими судьбами в Неаполе? – вежливо поинтересовался герцог.
- Так живу я здесь, - ухмыльнулся епископ.
- А паства как же? А как же пастырские обязанности? То в Турине безвылазно, теперь в Неаполе...
- Так именно свои обязанности – вернее, обязательства – я здесь и исполняю. Твой отец, когда приехал в Рим за новым епископом, искал именно такого, который бы в своей епархии не бывал. Ему самому править епархией хотелось. А мне-то что? Я ему с удовольствием

власть передал – он и священников сам назначает, и неугодных в герцогскую тюрьму отправляет, удобно, согласись. Я его иезуитской общине все права передал, он всех священников экзаменует и на исповедь к себе вызывает – от него не укроешься.

- Да, с Джустиниани этот номер бы не прошел... Вот почему он так странно и неожиданно исчез, а потом выяснилось, что умер... Это ты себе дорогу расчищал?!
- Э, нет, дон герцог, ты на меня грехи своего отца не вешай! Он эту авантюру давным-давно задумал, когда я еще и о существовании такой епархии не знал!
- Как это? Не успело известие о смерти Джустиниани до Бовино докатиться, а ты уже тут как тут!
- А ты не задумывался, как это получилось, что в Неаполе известие получили на месяц раньше – и именно тогда, когда твой отец, ныне падре Сильван, был в Риме? Да и другие даты могли бы тебе глаза открыть! Отец Сильван получил от Мадрида разрешение передать власть тебе в 1594 году, когда твоя мать еще была жива, а ты еще в коротких штанишках бегал! А как исполнилось тебе 18 лет, так и мать умерла, и епископ следом! Если и есть за мной грех – так что не хотелось бы батюшку твоего прогневать, - зло усмехнулся епископ. – Но похоже, приходит конец этой малине: нунций неаполитанский уже завалил Рим жалобами на то, что я в Бовино не бываю, придется отцу Сильвану другое решение находить. Хотелось бы надеяться, что я при этом выживу!

Разгневанный епископ вышел из камеры, хлопнув дверью. А Джованни остался сидеть, ошеломленный... Теперь многое становилось ясно... «А мама? Неужели он и маму?..» - пронзило его страшное подозрение. Но отогнал от себя эту мысль, сосредоточившись на другом. Надо бы и ему получить право назначать наследника при жизни – не ровен час, он батюшку прогневает, а у него уже шестеро детей умерло, седьмая девочка пока жива, так то девочка... Прямо проклятье какое-то на их семье...

1616

Джованни ехал в Бовино с любопытством и некоторой тревогой. Как и предполагал Толоза, «малина» кончилась: его перевели в другую епархию, и теперь отцу предстояло решить непростой вопрос: то ли он действительно уходит в монастырь, и тогда Джованни предстоит взять-

таки власть в свои руки, то ли срочно подыщет нового епископа, согласного быть марионеткой в его руках... Джованни даже не знал, какой вариант ему больше нравится. С одной стороны, он уже совсем не мальчик, пора бы и реально стать наконец герцогом, да и болтаться по Неаполю, по сути без нормального дома и семьи, уже надоело. С другой – Джованни, а прежде всего его жена, привыкли к столичной жизни, не обремененной обязанностями и тревожностями. Впрочем, его симпатии были все же на стороне первого решения: как и все Гвевара, он был человеком дела.

Отец встретил его в странном настроении. Отпустивший длинную бороду, заметно тронутую сединой, в черной сутане, отец Сильван удивительно походил на злые карикатуры на иезуитов, особенно когда, как сейчас, метался по зале так, что его одеяния развевались. «Как черный ворон» - мелькнула у Джованни мысль, лишенная сыновьей почтительности.

- Добрый день, падре, - поздоровался он.
- Да, представь себе, добрый! Вопреки всем их проискам добрый! Меня голыми руками не взять! Не видать им моей епархии!

- Кому «им», батюшка?

- Да попам этим растреклятым! Моя земля, никого сюда не впущу!

Джованни подавил вздох и повернулся к окну, боясь, что отец прочтет его мысли по выражению лица: «растреклятые попы»! а сам-то ты кто?!» Мало кто из Гвевара отличался глубокой набожностью, но вот лицемеров среди них вообще не было. До сих пор.

- Смотри, что я придумал! У моего врача в Монополи есть сын, священник. Вот его я и сделаю епископом! Он в Неаполе тусоваться не будет, в своем городе посидит, а это далеко, нунций его не выследит. Пусть себе подучится пока, подготовится к кафедре, он вот доктором права хочет быть, а там видно будет.
- Его-то нунций не выследит, а вот что в Бовино не бывает – донесут.
- Так епископ полгода может вне епархии проводить, а раз в шесть месяцев пусть и приедет, на праздник какой, проповедь произнесет, свою долю доходов получит – и домой, у него там, говорят, роскошный парк, он ухода требует.
- А он согласен?
- Не знаю, не спрашивал. Если что – его отец уговорит, ему ой как не хочется должность придворного медика терять! Да он сейчас здесь, если хочешь – сам спроси.

- Ну, а как Рождество прошло? – Джованни решил перевести разговор на другую тему.
- Да как обычно: накрыли стол, позвали музыкантов, попели немного, попили побольше, - усмехнулся отец Сильван.
- Месса красивая была? Хор у тебя хороший? – Джованни покоробили слова отца.
- Месса? Ах да, была месса, конечно. Не скажу, что очень красивая: я новых священников из своих поставил, а они в литургии не особо сильны, им больше исповедовать нравится, особенно девиц, - отец Сильван хохотнул. – а старых я почти всех пересажал, они меня учить вздумали! Бог любую молитву слышит, чего огород городить!

После обеда Джованни решил все же познакомиться с новым епископом. Он оказался еще совсем молодым человеком, серьезным и спокойным.

- Епископ Джованни Антонио Гальдеризио, - представился он, не проявляя, впрочем, особой радости при виде герцога.

Джованни решил сразу же объяснить начистоту:

- Не беспокойся, я такой же герцог, как ты епископ! И похоже, нам обоим эта игра не по душе.

Епископ пожал плечами.

- У меня выхода нет. Завтра уезжаю в Монополи. Жалко паству до слез, но я молодой, еще вернусь. Как я понял, главное – под ногами не вертеться, а там время покажет. Все мы не вечны...
- Знаешь, грех, конечно, кому-то смерти желать, и даже просто ждать ее, но иногда так трудно удержаться...
- Э, нет, синьор герцог, ты этого не говорил, а я не слышал! Нам дожить надо! И пережить по возможности.

1622

Его терзали мрачные предчувствия. Впрочем, они терзали его давно, еще с памятного разговора с епископом Гальдеризио. Но сейчас дело зашло слишком далеко. Жесткая батюшкина рука озлобила не только местных богатеев, привыкших жить вдали от господ – владельцев Бовино, но и весь клир. А учитывая, что старые священники все были бовинцами по происхождению и связаны с городом теснейшими связями – и родственными, и дружескими, то получалось, что отцу Сильвану и опереться-то было не на кого.

А ситуация сложилась совсем не простая: в зоне хозяйничали бандиты, и это были отнюдь не робин-гуды... Сами, в основном, из богатых семей, их интересовало совсем иное: утраченная власть. Многие из них имели в лице местных жителей и священства всегда готовую помощь и укрытие...

Король объявил бандитам войну не на жизнь, а на смерть, и некоторых из них удалось-таки поймать.

Джованни ехал в Бовино со страшной миссией. Настроение у него было подавленное. Месяц назад умерла его жена, измученная непрерывными родами и похоронами детей: она родила 14 детей, из которых выжили четыре девочки, долгожданный наследник и еще один сын, которому едва исполнился годик. Оставшись вдовцом с шестью детьми, Джованни еще острее чувствовал ненормальность своего положения. Вот и сейчас: в качестве герцога он нес ответственность перед королем за беспорядки в своем городе, но город-то был не его... И ответственность за беспорядки совершенно точно не его. Но страшный груз пришлось везти ему.

Мрачный строй всадников, окружавших черную крытую повозку, въехал в город и остановился на площади перед кафедральным собором. В центре площади был сооружен высокий помост, на котором стоял в одиночестве экс-герцог.

Отец Сильван сильно изменился. Он и раньше не выглядел – и не был – добреньким, но, по крайней мере, излучал силу. А теперь Джованни увидел не гневного – злобного старика, словно усохшего от бессильной ярости.

Всадники спешили и откинули полог черной повозки. Когда они вытащили из нее и установили перед помостом первый кол с насаженной на него отрубленной головой, Джованни отвернулся и стал рассматривать толпу. Людей явно согнали сюда силой, и гвардейцы герцога в своих ярко-желтых камзолах перекрывали выходы с площади. При виде третьей головы, водруженной перед помостом, толпа слегка всколыхнулась. Это была голова бовинца, одного из главарей бандитов, а также брата бывшего декана кафедрального собора, человека, хорошо известного в городе и состоявшего в родстве со всей богатой верхушкой, впрочем, уже почти полностью уничтоженной или бежавшей.

Отец Сильван по-ястребиному всматривался в лица людей, пытаясь выделить тех, на чьих лицах отражалась горечь, сочувствие к

казненным или гнев. Подмечал он также тех, кто опустил глаза или отвернулся. Но от толпы веяло безразличием и усталостью.

Глашатай зачитал королевский указ, и отец Сильван подал знак гвардейцам отпустить людей. Площадь быстро опустела. Тогда к головам подошел экс-герцог. Сейчас он излучал какую-то хищную радость, всматриваясь в лица казненных и, казалось, любуясь ими.

Наконец он обратил внимание на сына и подозвал его жестом.

- Добрались-таки до них! Теперь дело проще пойдет. Я все герцогство от этой нечисти освобожу!

Отвращение, которое вызвала в Джованни эта сцена, пересилило в который раз сыновью почтительность и придало герцогу решимость.

- Отец, мне уже сорок лет, я и сам со своим герцогством справлюсь! Может, ты займешься все же делами церковными? Насколько я знаю, в них царит полный хаос.

Щенок! – взъярился отец Сильван, но поперхнулся: в бороде у “щенка” уже пробивалась седина. – Я занимаюсь церковным делом! Вот папа Сикст Пятый постановил покончить с бандитизмом в [Риме](#) и на ведущих к нему дорогах: приказал рубить пойманным разбойникам головы и выставлять на всеобщее обозрение на мосту, который вел к Замку св. Ангела. Я

Делаю то же самое, а ты знатный воин, это так, но в бою ясно, кто враг, а кто друг. Здесь же под каждой личиной враг скрывается – за улыбочками, за поклонами! Под корень их всех надо, под корень рубить!

- Отец, это наша земля, наши люди! Вырубим всех под корень – а дальше что?

- Новых завезем! Французов, албанцев, еще кого! Тоже мне проблема! Ты не в свое дело не лезь! Служи себе королю, да новую жену присматривай – вот и все твои сыновьи обязанности!

Джованни понял, что дальнейший разговор бессмысленен, и обернулся к всадникам, отдавая распоряжения по охране помоста.

Вечером он оседлал лошадь и отправился в придорожную харчевню на подступах к Бовино. Там он сидел и мрачно пил местное вино, опустив голову. “Не в свое дело”!, крутилось у него в голове... Ситуация казалась ему безвыходной.

1630 год

Зимняя дорога на Бовино была пустынна и мрачна. Черная земля, белый снег и серые камни.

Джованни с четырнадцатилетним сыном Карло Антонио ехал к отцу на Рождество. Их сопровождали несколько гвардейцев - дорога была опасной: казалось, что за последние годы все население герцогства ушло в бандиты.

Город тоже выглядел заброшенным и безлюдным. Маленький кортеж подъехал ко все еще недостроенному дворцу («У отца, конечно, не хватило на это времени», - раздраженно подумал Джованни), и герцог с наследником вошли в него. Здесь тоже никого не было. Только пройдя длинную анфиладу комнат, они заметили отблески камина в зале.

Отец Сильван сидел в кресле перед огнем. Он почти не изменился за последние годы.

- Добрый вечер, дедушка! – поздоровался Карло Антонио несколько боязливо.
- Не вижу ничего в нем доброго! – отрезал старик и обратился к сыну. – А ты чего здесь? Что не в войсках?
- После Рождества отправляюсь. Надо же было детей как-то пристроить.
- Да чего их всех-то пристраивать? Вот этого надо, тут не поспоришь, ну, его брата тоже, на всякий случай. А девок зачем? От них один расход!

Джованни очень любил всех своих детей, а девочки напоминали ему его покойную жену, поэтому слова отца его задели. Но он по привычке решил не реагировать.

- На мессу-то пойдешь? – спросил он.
- Чего я там не видел? Там епископ наш приехал: папа требует его присутствия как минимум на Рождество и Пасху. Вот он пускай и трудится. А я здесь в тиши отдохну.
- Ну, а мы все же пойдем, - Джованни взял за руку сына и направился к выходу, постаравшись скрыть облегченный вздох: тягостная обязанность была исполнена.

Собор был почти пуст, только на задних скамьях пристроились человек десять. Джованни с сыном прошли вперед и сели в первый ряд.

Епископ вышел из ризницы в сопровождении десятка священников. Те шли вразвалку, переговариваясь и перемигиваясь, небрежно поклонились перед алтарем и расселись в хорах. Джованни видел, как играли от ярости желваки епископа.

Месса получилась скучной и длинной. Карло Антонио принялся разглядывать резные хоры, которые установил здесь Паоло Толоза. Джованни заметил, как у мальчика удивленно расширились глаза.

После службы он потянул отца к хорам:

- Папа, почему здесь изображены такие страшилища? Это же церковь, дом Божий, это же место для священников и епископа!

Джованни тоже взгляделся в резьбу. И действительно, отовсюду на него пялились злобные рожи – рыб, волков, львов, морских коньков, монстров – полулюдей-полузверей. Хоры были пристанищем злобы и греха. Особенно поражало кресло епископа, где центральное место занимало изображение молодого человека с чашей в руках, из которой вылезала змея.

- Неужели это Христос? – с ужасом спросил мальчик.
- Давай уточним у епископа, - предложил отец, и они прошли в ризницу.
- Нет, это святой Иоанн Богослов. – ответил на вопрос мальчика епископ Гальдеризио. – В апокрифах есть такое предание, как Иоанна хотели отравить, налив змеиный яд в кубок, а он выпил и не умер. Но эту легенду мало кто знает, и часто думают, что это Иисус.
- А кто в кресле-то сидит, когда тебя нет? – спросил герцог.
- Ясное дело, кто: его местоблюститель, - усмехнулся Гальдеризио. – Толоза таким образом все сказал, что хотел и что думал. И я к нему присоединяюсь.
- Сын, иди посмотри еще хоры, нам с епископом поговорить надо, - сказал Джованни. Когда Карло Антонио вышел, епископ предложил герцогу сесть и приготовился его выслушать.
- Ты заматерел, силы набрался, - заметил Джованни.
- А толку-то что? Сам видел, что в храме творится! И это еще в соборе, в остальных церквях вообще никого нет – ни настоятелей, ни прихожан. Честно говоря, сил уже нет уповать на волю Божию!
- Я тебе это восемь лет назад говорил, ты меня слушать не захотел.
- Помню. Так что за проблема у тебя? Кроме всем очевидной, конечно.
- Боюсь я, что старый хрыч меня переживет! Мне на войну идти, чует мое сердце – в последний бой. Но наследник-то мой мальчишка еще совсем, страшно мне за него. Меня отец подмял, а я ведь постарше был, а Карло Антонио вообще раздавит. Если что со мной случится – возьми его с собой, пусть пока поучится да повзрослеет. А отец умрет – привезешь.
- А что Сильван скажет?
- Даже не заметит. Мы для него словно не существуем. Не могу понять, почему...
- Потому что вы для него – напоминание о будущем: о будущем без него. И о неисполненных обетах...

- А что ты знаешь об этих обетах? Мне о них отец отказался рассказать.
- Кое-что знаю – я как-никак его исповедник. Тому, кто возьмет-таки власть – тебе ли, сыну ли твоему, - все расскажу. И не беспокойся: о парнишке позабочусь, я его на растерзание не отдам. Да и мое терпение скоро кончится: вернусь в свою епархию – и посмотрим, кто кого!
- Ладно, благослови меня на дорогу, и мы поедem... Я на тебя рассчитываю!

Так все и вышло. Спустя месяц Джованни погиб в битве за Павию. Следом умер и отец Сильван. Гальдеризио вернулся в Бовино и стал попечителем Карло Антонио. Спустя четыре года юный герцог женился и принял власть. И две главы города вместе занялись на возвращении к нормальной жизни.

Глава 11. Дон Джованни

1633 год

И все же его приговорили, несмотря на все мои усилия. Впрочем, конечно, он отделался очень легко, могло быть гораздо хуже, могли и на костре сжечь. Интересно, кто папе настучал? Хорошо хоть, что все же

осудили за солнечную теорию, а не за атомизм, а то и у меня были бы проблемы, думал Джованни, в миру Пьетро Гевара.

Странную все же судьбу я себе выбрал, продолжал размышлять он, привычно раздавая из окна кареты благословения. С детских лет он увлекался физикой и инженерным делом, но вот очень уж не лежала душа к идее стать военным инженером, как братья из другой ветви Гевара на Мальте. Еще философию очень любит, и знает неплохо, да только что это за профессия... вот и стал священником. Хотя священников в их роду почти не было, особенно в итальянской ветви.

Впрочем, Джованни Гевара и не был простым священником и даже не был простым епископом. Сейчас, например, он еще раз перебирал в уме аргументы о сущностях и их проявлениях.

Как ни странно, вся история, связанная с Галилеем, началась для него с того, что он вступил в конгрегацию театинцев, где уже нашли свое призвание двое Гевара – братья Томмазо и Ферранте. Конгрегация была посвящена почитанию Святых даров – Евхаристии. Его пытливый ум манила эта тайна: вот что-то есть, но на самом деле, оно совсем не то, что есть, а нечто принципиально иное, но догадаться об этом по внешнему виду – да что там, даже по химическому анализу! – невозможно. Однако Джованни был не только философ, но и практик и реалист: как практик, он увлекся физикой Аристотеля, но пытаясь применить ее в изучении человеческого тела, а как реалист стал дипломатом, другом и сподвижником кардинала Барберини. Надо сказать, что тот тоже был далеко не простым кардиналом.

- Ты обязательно должен познакомиться с моим другом, Галилео Галилеем. Это фантастическая личность! – говорил он Джованни, тогда еще просто священнику. – Играет на лютне, великолепно рисует, мог бы стать писателем или поэтом, да еще и медик и великий ученый! А его телескоп! Ты смотрел на небо в его телескоп?
- Да, еще в 1610 году, но должен сказать, что испытывал некоторые опасения, - Джованни улыбнулся, вспоминая свои сомнения и даже страх, - ведь тогда говорили, что открытие новых небесных тел губительно для медицины.
- Для медицины, заметь, а не для здоровья! – кардинал явно развлекался, - Но мне больше понравился тот памфлет, в котором говорилось, что раз в голове семь дырок, то и планет должно быть

семь. Вот интересно, а остальным отверстиям человеческого тела что, по его мнению, должно соответствовать?

- Надеюсь, это риторический вопрос, - Джованни тоже веселился от души, - но комиссию-то все же создали. Решали, не грешно ли смотреть на небо в трубу.
- Я принимал в ней участие. – Барберини хихикнул: - Объяснял, что смотреть в трубу да еще и на небо ничуть не более грешно, чем в замочную скважину – на развлечения супругов. Но вот про вращение Земли вокруг Солнца – это он, пожалуй, зря, противоречит библейским текстам.
- Ну, Ваше высокопреосвященство, у Вас же прекрасный литературный вкус и глубокий критический ум, - Джованни знал, что кардинал весьма падок на лесть, - Вам ли не понять, что Библия – не научный трактат, а скорее поэтическое произведение! Она обращается к душе человека больше, чем к его разуму. Каким фрагментам Священного писания противоречит гелиоцентризм? Псалтыри – «Ты поставил землю на твердых основах: не поколеблется она во веки и веки»; так ведь колеблется же регулярно! Сколько землетрясений я пережил в Пулии. Значит, не об этом речь идет, о чем-то более глубоком, духовном. Или Экклезиасту – «Восходит солнце и заходит солнце и спешит к месту своему, где оно восходит» - вроде бы действительно противоречит. Но вот читаем дальше: «Идет ветер к югу, и переходит к северу» - а ветер явно не ходит, у него ног нет! Метафоры это все.

- Тебе обязательно надо познакомиться с Галилеем, он говорит практически тоже самое, только менее дипломатично: «Я полагаю, что всё касающееся действий природы, что доступно нашим глазам или может быть уяснено путём логических доказательств, не должно возбуждать сомнений, ни тем более подвергаться осуждению на основании текстов Священного Писания, может быть, даже превратно понятых. Бог не менее открывается нам в явлениях природы, нежели в речениях Священного Писания... Было бы опасно приписывать Священному Писанию какое-либо суждение, хотя бы один раз оспоренное опытом», - процитировал кардинал, взяв с полки книгу. - А стоило ему назвать эту теорию удобной математической моделью, и все претензии были бы сняты, так нет, тоже мне, борец за идею... А теперь гелиоцентризм официально признан ересью – в соответствии с

решениями Тридентского собора о запрещении толкований Библии, идущих вразрез с мнением святых отцов.

- Да не толкует Галилей Библию! А святые отцы не толкуют научные эксперименты! И вообще, если бы Господь хотел, чтобы думали только святые отцы, Он и дал бы разум только им.
- Надо, надо тебе с ним познакомиться.

Джованни и сам очень рад был бы поговорить со знаменитым ученым. За шутливым разговором с кардиналом он пытался скрыть тревожащие его воспоминания. Шквал мыслей обрушился на него, когда он взглянул в телескоп. Столько миров! Есть ли там живые существа? А люди? И если есть – как там с Богом? Они тоже согрешили и к ним пришел Искупитель? Или оказались более послушными и до сих пор живут в Эдеме? Так много новых вопросов, и поводов к новым сомнениям...

Но познакомиться им удалось только после избрания Барберини папой – он стал Урбаном.

6 августа 1623 года 50 кардиналов из 55 присутствующих проголосовали за него. Новоизбранный папа попросил у Бога скорой смерти, если его правление не пойдет на благо Церкви, устроил вечером грандиозный банкет, а с утра пораньше начал раздавать родственникам кардинальские должности.

- Ты уверен, что именно это пойдет на благо Церкви? – на правах друга спросил его Джованни, улучив момент, когда папа был в особо благодушном настроении.
- Да, - уверенно ответил тот. – Ведь три христианские добродетели – вера, надежда и любовь – должны править миром, а значит, и церковью. А кому мы доверяем, на кого надеемся, кого любим? Кроме Бога, конечно. Родственников и друзей. А еще есть такая важная вещь, как общие интересы...

Джованни давно уже не был наивен – да и мудро было бы наивным дипломатом, - слова папы его не удивили. К тому же Урбан был далеко не худшим папой...

В апреле следующего года и состоялось долгожданное знакомство. Галилей был блестящ, слегка нарочито благовоспитан и внутренне агрессивен. Джованни поразило ощущение, что что-то его постоянно держит в напряжении, что-то тревожит и даже злит, хотя, казалось бы, встречен он был более, чем доброжелательно, папа охотно принимал его, вел наукообразные беседы и осыпал подарками и славословиями.

- Он чего-то боится, - высказал свое предположение папе Джованни.
- Может быть, планирует вновь вернуться к гелиоцентризму?
- После эдикта? Это было бы крайне неосторожно. Надо ему намекнуть...

При следующей встрече Джованни подошел к Галилею, когда тот задумчиво смотрел на закат.

- Входит и выходит, входит и выходит, - подначил его священник.
- Ну и пусть, меня сейчас не это интересует, - было очевидно, что ученый погружен в другие мысли.
- И что же, если не секрет? - поинтересовался понтифик. - Новая книга?
- Да, она, - уклончиво ответил Галилей.
- И о чем?
- О метафизических сущностях.
- Вот уж не знал, что Вы и этим интересуетесь!
- Поиск сущности я считаю занятием суетным и невозможным, а затраченные усилия — в равной мере тщетными как в случае с удалёнными небесными субстанциями, так и с ближайшими и элементарными; и мне кажется, что одинаково неведомы как субстанция Луны, так и Земли, как пятен на Солнце, так и обыкновенных облаков...

Тема не показалась понтифику опасной, и на этом разговор закончился. Галилей уехал, успокоенный реакцией папы.

Но вскоре поступил донос: новая книга противоречит решениям Тридентского собора.

- Господи, чем? - воскликнул, узнав об этом, Джованни. - Как я понял, она об атомизме. Вот уж по поводу чего собор ничего не решал!
- У него там есть весьма двусмысленный пассаж: «Никогда я не стану от внешних тел требовать чего-либо иного, чем величина, фигура, количество, и более или менее быстрые движения для того, чтобы объяснить возникновение ощущений вкуса, запаха и звука; я думаю, что если бы мы устранили уши, языки, носы, то остались бы только фигуры, числа, движения, но не запахи, вкусы и звуки, которые, по моему мнению, вне живого существа являются не чем иным, как только пустыми именами». По мнению доносчика, это отрицает мистическую сущность Евхаристии.

Кстати, это по твоей части, давай-ка разберись и дай мне письменное заключение.

Джованни разобрался. Для него не было сомнений в том, что Галилей писал эти строки, вообще не думая о Святых Дарах. Но он-то думал... Существует ли Евхаристия вне человека? Наверное, все же нет... И более того, она, вероятно, не существует и для иноверцев. Это особый статус реальности. Избирательной, что ли. Но об этом лучше не говорить – по крайней мере, говорить не со всеми. Джованни хотел было свести свою докладную к нескольким обтекаемым фразам, но тут подключились иезуиты и стали давить на папу.

- Слушай, почитай мне эту книгу вслух, а то у меня от этих сущностей в глазах рябит, - велел Урбан.

Джованни читал с выражением, зная, как папа ценит хороший слог. Он умело подчеркивал одни фразы или слова и проскальзывал мимо других. Папа остался очарован книгой.

- Эх, как жаль, что отец запретил Галилею становиться священником! – воскликнул он. Церковь потеряла в его лице мощный интеллект и прекрасного проповедника!

Джованни несколько сомневался в том, что Галилей оказался бы вполне ортодоксальным проповедником, но предпочел этого не высказывать. И все было бы хорошо, если бы спустя несколько лет ученый не вернулся бы к гелиоцентризму в новой книге. Вот не давала ему покоя идея о том, что Земля вращается вокруг Солнца! Хотя основной проблемой стало то, что в одном из трех героев-собеседников книги, простаке Симпличио, Урбан узнал себя – вернее, свои аргументы, высказанные во время длительных околонучных бесед с ученым.

- Что он себе позволяет? – пришел в ярость папа. – Это я-то простачок?! Что там вокруг чего вертится, мне все равно, что там у него с метафизическими сущностями – тоже, но вот выставить наместника Святого Петра в смешном виде я е могу!
- Ваше святейшество, этого никто не поймет! – Джованни, ставший к этому времени епископом, попытался смягчить ситуацию. – Если просто проигнорировать книгу, все само сойдет на нет.
- Не сойдет! Он ее написал не на латыни, а на итальянском! Теперь все, кому не лень, будут надо мной издеваться!

К счастью, книга не касалась вопросов атомизма, поэтому Галилей был осужден не как еретик, а как «сильно подозреваемый в ереси»...

Джованни испытывал по этому поводу сложные чувства, но самым сильным из них была, наверное, радость от того, что он не стал ученым или философом. Гвевара всегда славилась верностью – в том числе и своим убеждениям.

Глава 12. Дон Франческо

1639год

Пожалуй, еще никогда в семействе Гвевара не было так много священнослужителей одновременно. Один епископ и три священника-монаха, а завтра и он присоединиться к ним, став четвертым.

Лично для него все началось с деда Иниго, сына Джованни и второго герцога Бовино. Никто не понял, с чего вдруг он после смерти жены привел в порядок все дела, женил старшего сына и выдал замуж старшую дочь и стал монахом, а потом и священником и прожил еще долго и, - по крайней мере, так казалось, - счастливо. Что его сподвигло на такой поступок? Сильная любовь к жене? Усталость от войн и сражений? Или было что-то еще?

Франческо плохо помнил отца, названного в честь своего деда Джованни. Ему было всего 11 лет, когда он погиб. Отец все время был в сражениях, он отсутствовал даже тогда, когда в Бовино прибыла сестра короля Испании Филиппа, направляющаяся на собственную свадьбу в

Неаполь. По этому поводу был достроен, наконец, дворец, на который давно уже не хватало времени и средств. С той войны отец не вернулся. Теперь будущему священнику 19 лет. И если выбор деда вызывал в нем прежде всего жгучее любопытство, то встреча со своим родственником, епископом Джованни, стала судьбоносной...

Франческо казалось, что нет ничего более далекого от реальной жизни, столь характерной для Гвевара, чем Евхаристия. Он спросил об этом епископа Джованни, когда тот посетил Бовино с инспекцией: он проверял, как организовано почитание Святых Даров в различных епархиях. В Бовино с этим все было в порядке: еще в 1585 году епископ Джустиниани создал для этого специальную часовню.

- Ты прав только отчасти, - ответил епископ юноше. – Нет ничего более важного для реальной жизни, чем способность видеть то, чего, вроде бы, нет, видеть сущность под личиной. Вот все Гвевара искали нечто в Бовино – так есть оно там или нет? Ты как ответил на этот вопрос?
- Пока никак... Отец погиб, ничего толком не успев рассказать не только мне, но и старшему брату, так что я и сам не знаю, что искать, где искать, зачем искать...
- Человек в жизни должен искать только Бога и себя. Бога ты, кажется, нашел.
- Я должен искать себя в Бовино?
- Нет, Бовино в себе... Ты должен вернуться в город, увиденный на закате твоим предком, нашим предком. Это очень сложно, многие тропинки уже заросли, многие следы затерялись, но и то, что сохранилось, ты должен будешь не только найти и понять, но и принять... Принять, как часть себя.

Франческо воспринял это напутствие очень серьезно. Он попытался собрать все сведения, все свидетельства, но они никак не складывались в единую картину.

Гальдеризио, тот самый, который завтра рукоположит Франческо, год назад обнаружил мощи святого Марка, епископа Лучерского, и теперь был охвачен идеей соорудить для их почитания торжественное святилище. Брат Франческо, герцог Карло Антонио, отказался дать на него денег.

- Почему? – приставал к нему будущий священник.

- Во-первых, денег и так нет, все отец на дворец потратил, надеялся на визите сестры короля что-то выиграть, да не успел, погиб. А во-вторых, мама говорит, что такого святого никогда не было.
- А чьи же тогда мощи?
- Может, другого какого святого, не знаю. Но не Марка Лучерского.

Мать подтвердила слова старшего сына.

- Возможно, это мощи святого Марка Бовинского епископа, его на родине твоей прабабушки почитают. Или еще кого...

Франческо пошел со своими сомнениями к епископу.

- Да знаю я об этом! Но вот ведь в чем дело: имеем мощи, имеем текст в сборнике житий святых – пусть поздний, но наш, бовинский, почему бы их не соединить? И народу хорошо – есть кого почитать, и святому неплохо.
- Ну, мне бы не понравилось, если б меня почитали под чужим именем да еще приписали чужую судьбу... А почему не святой Марк, епископ Бовинский?
- Так о нем никто из наших ничего не писал.
- Об Америке тоже никто из бовинцев ничего не писал... - Франческо понял, что разговор стал бессмысленным. Гвевара, имеющие родственников в Испании, в Южной Америке, на Мальте, на Кубе и вообще по всему свету, делили людей на своих и чужих только в ходе сражения...

Юноша понял, что его мозаика сложится только тогда, когда он сумеет посмотреть на картину издалека. Поэтому, когда епископ спросил, где он хотел бы получить приход, он сразу назвал Орсару. Это было странное «далеко» - далеко от Бовино, близко к началу...

Он оставался там всю жизнь. Наверное, он нашел то, что искал. Во всяком случае, через 23 года он выкупил дворец рыцарей Калатравы и жил в нем, погруженный в свои поиски... Он не оставил никаких записей – наверное, потому, что каждый должен искать себя сам. Он не вернулся в Бовино – наверное, потому, что нашел его в себе и не нуждался более в чужих заветах.

Глава 13. Дон Фердинандо

1673 год

Он напряженно следил из окна за разгоравшейся внизу ссорой. Ох, не кончится это добром, думал он с тревогой. Братья Греко заметили, как Фердинандо Гевара щипнул их сестру, и теперь «вправляли ему мозги». И если они узнают, что дело отнюдь не ограничивалось щипками... А ведь Джованни Гевара предупреждал своего дальнего родственника, ныне гвардейца герцога:

- Ну зачем ты увиваешься вокруг этой девицы? Не мог найти себе что-нибудь попроще? Ее братья тебе голову оторвут.
- Я люблю ее. Мне никто, кроме нее, не нужен. И ей нужен только я.
- Любишь – так женись!
- А куда я ее приведу? В казарму? И на какие шиши буду содержать? На те, что мне платит твой отец? Вот встану на ноги, хоть какую-нибудь хибару себе построю, тогда обязательно женюсь.
- Тогда потерпите.
- «Потерпите»! Легко сказать! Ты-то при жене, можешь терпеть сколько угодно благосклонности какой-нибудь дамочки, супруга поможет тебе утихомирить страсти! И потом, в нашей любви нет ничего плохого, ничего греховного!
- Кроме того, что это прелюбодеяние...
- Ой, вот только проповеди мне не читай! Это ты, когда от жены бегаешь, прелюбодействуешь, а я люблю!

Ссора во дворе набирала силу. И хотя гвардейцам было категорически запрещено шуметь и материться, слышались оскорбительные выкрики.

- Отец, мы должны вмешаться, - Джованни обернулся к герцогу Карло Антонио, сидевшему в кресле и зябко кутавшему ноги в плед. – Он наш родственник, а эти дикари убьют его.
- И правильно сделают. Мир немного потеряет. Этот шалопай баламутит весь город и всю нашу гвардию.
- Но он мой друг!
- Скажи лучше, собутыльник и товарищ по ночным набегам на одиноких девиц. Может быть, без него ты наконец образумишься.
- Отец, мне всего 18 лет! Ты заставил меня жениться на этой зануде, к тому же намного старше меня, а теперь хочешь лишить меня единственного друга, с которым мне весело и легко! Скоро народятся дети, навалятся заботы, и я стану таким же занудным и правильным, как ты!
- Вот именно – скоро. Ты знаешь, что мне немного осталось жить, а ко всем этим заботам, как ты их называешь, надо быть готовым. Мы не последняя семья в королевстве. А что касается Виктории, то породнится с семьей Караччоло всегда стоит. Конечно, она старше тебя, но детей нарожать еще вполне способна, и тебя приструнить, может, и с помощью своего отца, когда меня не станет, сумеет.
- Но Фердинандо – наш родственник! Что скажут о нас, узнав, что мы позволили убить одного из своих?
- У нас таких родственников полон двор. Все эти «младшенькие» думают, что раз я герцог, то у меня денег куры не клюют, и я могу пристроить их сыночков поближе к кормушке. А ты знаешь, что мы все в долгах, что свои деньги я зарабатываю, и скоро сам поймешь, что совсем нелегким трудом. Не смей вмешиваться в эту историю!

Джованни подумал, что отец во многом прав, к тому же он болен, не стоит его чересчур волновать. Но сердце болело за друга...

2

Фердинандо понял, что дело плохо, как только увидел лица Джузеппе и Леонардо. Он надеялся, что за ночь вчерашняя ссора подзабудется, но, видимо, вечером братья с пристрастием расспросили сестру, и та во всем призналась. Теперь беды не миновать.

Братья молча надвигались на него. И Фердинандо побежал. Он лихорадочно соображал, где бы ему укрыться. Горожане его не спасут – в свары гвардейцев герцога они вмешиваться не станут. Есть только одна надежда – церковь. И он мчался изо всех сил к ближайшей.

Поначалу его расчет оправдался: братья Греко не ворвались вслед за ним в храм, а остались поджидать снаружи. Да и монахи встали у входа, преграждая им путь. Но что-то было не так. Братия старалась не шуметь, постоянно оглядываясь. Настоятель шепотом спросил Фердинандо, в чем дело, но тому было не с руки вдаваться в подробности, и он уклонился от ответа.

- Они меня убьют, как только я выйду, - сказал он.
- И что будем делать? Ты же не можешь здесь поселиться!
- Придумайте что-нибудь, отче! – взмолился Фердинандо. – Может, можно уйти другим путем? Мне надо бежать из города!

Настоятель хотел было что-то сказать, но тут раздался скрипучий и какой-то капризный голос:

- Что происходит? Неужели и в божьей обители нельзя найти покой? Я только прилег отдохнуть!

Фердинандо слегка удивился: еще нет и полудня, какое время для отдыха?

Настоятель поспешил навстречу подходящему к ним низенькому человеку в сутане и склонился к его уху:

- Ваше преосвященство, тут такое дело... - и он продолжил шепотом.
- Гвардейцы герцога? – переспросил епископ. – Ну, нам не резон в их свары лезть, вытолкайте его из церкви.

Настоятель продолжал возбужденно шептать.

- И этот тоже Гвевара? Родственник значит?

Настоятель кивнул.

- Это меняет дело... Тогда пошлите кого-нибудь из братьев сообщить ему обо всем, а этот пусть пока посидит да помолится, ему не вредно, - и епископ вышел во внутренний дворик.

Посланный к герцогу монах вернулся удрученный.

- Герцог заявил, что его это не касается, и что он не станет вмешиваться, - доложил он настоятелю.
- И что теперь делать? – спросил тот у Фердинанда.
- Дайте мне уйти тайком из города!

- Э, нет, так не пойдет! – в храме вновь появился епископ. – Это сейчас герцог не хочет вмешиваться, а случись что, мы окажемся виноваты.
- Может, позвать ему в помощь других гвардейцев? – спросил настоятель.
- Нет! – в один голос воскликнули епископ и Фердинандо. Епископ удивленно обернулся к молодому человеку:
- Почему я не хочу звать гвардейцев, понятно: нам только побоища перед церковью не хватало. А вот ты почему не хочешь?
- Не поддержат они меня, - потупив голову признался Фердинандо. – Я сестру этих ребят, что меня поджидают, совратил, а у нас такое не прощают.
- И правильно делают! – Епископ обернулся к настоятелю: - Позовите стражников, пусть они отведут этого прощелыгу в тюрьму.
- За что меня в тюрьму?! Это они меня хотят убить, их надо в тюрьму!

Но епископ уже уходил, не слушал его. Настоятель покачал головой:

- Похоже, тебе в тюрьме спокойней будет, хоть под охраной.
- А почему мне нельзя здесь остаться? Церковь же предоставляет укрытие?
- Церковь – да, а вот дом епископа – нет. На твою беду, его преосвященство Джузеппе ди Джакомо решил поселиться именно у нас...

Стражники повели Фердинандо в тюрьму в наручниках, и это заставило его сердце тревожно сжаться: по всей логике, наручники следовало бы надеть на братьев Греко... Тюрьма явно больше не казалась ему безопасным местом.

3

Прошло три дня. Наручники с Фердинандо так и не сняли, он даже спал в них. Впрочем, он почти и не спал. Первый день он еще надеялся, что Джованни сумеет выручить его, как-никак, герцогский сын. Но к ночи надежда испарилась. Видимо, герцог решил от него избавиться. Эх, зря он подбивал Джованни на молодецкие выходки! Надеялся, что тот, став герцогом, даст ему какой-нибудь приличный пост при дворе. Да только его отца разозлил...

На четвертую ночь в коридоре слышались тяжелые шаги. Два человека, не скрываясь и не таясь, приближались к его камере. Сначала

Фердинандо подумал, что Джованни все же удалось убедить отца, но шаги были какие-то слишком угрожающие...

Дверь распахнулась и на пороге появились Джузеппе и Леонардо. Это конец, понял Фердинандо. Он даже не сопротивлялся, когда они поволокли его прочь. Да это и было бы бесполезно в наручниках. Стражники и надзиратели испарились. Как по заказу. А скорее всего, именно по заказу...

Братья притащили Фердинанда к Петропавловскому храму и начали рыть яму. Вернее, рыл Джузеппе, а Леонардо скрылся во тьме и тут же вернулся с мешком гашеной извести. Город казался вымершим. Никто не придет на помощь...

Братья приготовили могилу и деловито подошли к Фердинандо. Сейчас в них не чувствовалось ни ярости, ни злобы. Они просто делали свое дело.

- А может, отрежем ему кое-что, отнесем сестренке позабавиться? Ей, вроде нравилось, - предложил Леонардо.
- Да ну его, начнет орать, всех птиц перебудит.
- Так мы потом, попозже, - ухмыльнулся Леонардо и вытащил нож.

1675

Прошло два года.

Джованни, теперь уже герцог Бовино, возвращался из Неаполя не один. Рядом с ним трясся в карете мрачный человек с черным чемоданчиком на коленях.

Первое, чем занялся Джованни после смерти отца, - поиски Фердинандо. Таинственное исчезновение того из тюрьмы не давало ему покоя. Конечно, кое-что он сделал и раньше – расспросил родственников, не появлялся ли где его друг, заводил разговоры с прислугой, но никто ничего не знал. Через пять дней после ареста Фердинандо исчезли и братья Греко. Джованни даже пытался поговорить с отцом.

- Знаешь, Фердинандо исчез из тюрьмы и нигде не появлялся.
- Оно и к лучшему – и мы ни в чем не виноваты, и без него спокойней.
- И братья Греко тоже исчезли...
- Нет, эти не исчезли, они нашли себе другую службу, и я их отпустил. И потом ты же знаешь, что их сестра неожиданно умерла на следующий день после исчезновения Фердинандо, вот они и решили уехать подальше от грустных воспоминаний.

Вот в последнем Джованни совершенно не был уверен. Причина, по его мнению, была в другом.

- А от чего она умерла? – спросил он.
 - Вроде как задохнулась, подавившись чем-то. Говорят, куском мяса.
- Он ей в прямом смысле заткнул рот.

Джованни затошнило от предположений.

А похоронив отца, он начал расследование. Поначалу дело шло плохо, но вскоре бовинцы поняли, что власть сменилась и что то, о чем прежде надо было молчать, теперь имеет смысл рассказать, и в подробностях.

Так Джованни узнал об убийстве какого-то мужчины у Петропавловского храма. Ему даже указали место его захоронения. И вот теперь в карете сидит судебный эксперт, которому поручено вскрытие могилы и опознание трупа, назначенное на завтра.

Вечером Джованни мрачно сидел перед камином и молчал. Виктория, которая, кстати, оказалась хорошей женой, сначала тоже молчала, потом попыталась убедить мужа:

- Не стоит тебе завтра присутствовать на вскрытии. Останься во дворце, тебе обо всем доложат.
- Нет, я должен все увидеть своими глазами. И этого прощелыгу-епископа велю притащить! Это он виноват в смерти Фердинандо! Он его в тюрьму отправил!
- погоди, еще неизвестно, Фердинандо ли в могиле. И потом, что должен был делать епископ?
- Дать укрытие в алтаре, как полагается по закону церкви. Он всему виной. Все говорят, что хуже епископа свет не видал, он только о себе и думает. Его, видите ли, беспокоило, как бы Фердинандо не нарушил его покой! Надеюсь, на том свете Фердинандо и впрямь его в покое не оставит.

Виктория не была согласна с мужем, ей казалось, что старый герцог был виноват значительно больше, но спорить не имело никакого смысла...

5

Дон Джованни смотрел на работу эксперта со странным чувством. Сначала это был просто ужас: засыпанное гашеной известью тело растворилось полностью, оставив только кандалы и ножи. Но каким-то невероятным образом лицо Фердинандо оказалось нетронутым. По окружившей могилу толпе прошел шепоток, слышались даже выкрики о чуде и о святости. Герцог не обратил на них внимания:

кто-кто, а уж его-то друг точно не был святым. Хотя кто на самом деле знает, что такое святость?..

Фердинандо похоронили в той самой церкви, которая два года назад отказала ему убежище. Теперь он его получил.

Глава 14. Дон Иниго

1743 год

Он был рад обрубить эту связь. Она уже не имела никакого смысла. Старый и усталый Иниго Гвевара, герцог Бовино, получил официальное разрешение перевести свою резиденцию в Неаполь. Теперь ни он, ни его дети не являются гражданами Бовино. Конечно, придется обзавестись приличным дворцом, но дело того стоит. Собственность в герцогстве остается за ним, но вот гражданин он теперь совсем другого мира.

Все считают, что он сделал это из-за налогов – и в этом есть большая доля истины. Но не вся истина. Земля обетованная семейства Гвевара утомила его, как и все эти легендарные заветы.

Сын поначалу отнесся к этой идее с сомнением, он с почтением относился к предкам. Но Иниго постарался объяснить:

- Начнем с того, что завет мы выполнили. Он гласил: «вернуться в Бовино» - и ни слова о том, что там надо остаться. А потом, разве ты не заметил, что мир изменился, что все изменилось. Наш

родоначальник обещал воевать только за испанского короля, но где он, этот испанский король?

- В Испании, - мрачно бросил Джованни Мария.
- Да, но у нас уже давно другая родина и другой король. Потом другой наш пращур связал свою судьбу с Каалат-Равой – где она теперь? Разрушена, заброшена. Его потомок посвятил себя ордену Калатрава – сегодня это сборище наемников, а иногда и разбойников: помнишь того головореза-рыцаря с Сардинии? А Мадонна зеленой долины? Кого сейчас волнуют иноверцы? Мы их защищали и защищаем здесь, в этой жизни, за это Гвевара горели на кострах инквизиции, ради этого мы выкупали города, попадавшие в немилость у цепных псов церкви. А что с ними будет после смерти – Господь сам разберется. Все изменилось, все разрушилось и потеряло смысл...
- Но при чем тут Бовино? Город-то существует, он не разрушен. Почему отказываться от него?
- Для начала, пращур велел вернуться в Вибинум, а не в Бовино. Название «Вибинум», по мнению филологов, происходит от «конь», а «Бовино» - явно от «бык» - чувствуешь разницу? И потом, зачем городу герцог? Зачем герцогу город? Мы не нужны Бовино... Нести культуру? Мы пробовали. Вот часовую башню построили – так они живут по солнцу. Твой прадед библиотеку собрал – одну из самых больших в королевстве – так на весь город человек десять умеет читать, не считая попов. Я вот президент комиссии королевского театра, пытался концерты организовать, певцов привозил – не приходят. Зимой – холодно, летом – полевые работы. Править надо городом? Так тут мэр есть, безграмотный, правда, как и весь его штат, зато говорят на одном языке. Нет, городу мы не нужны.
- Но он нам нужен!
- Зачем? Для доходов? Так их мы будем получать. А еще зачем?
- Но пращур, наверное, знал...
- Наверное. Но это было давно. Не могут ветви вернуться к корням, они – ветви, под землей не живут. Давай спать. А утром проснемся гражданами столицы, гражданами королевства, мира, вселенной...

Так оно и вышло.

